

ГРИГОРИЙ ШАРГОРОДСКИЙ

ЗАБЛУДШАЯ ДУША
ДИВЕРСАНТ

Григорий Константинович Шаргородский

Заблудшая душа. Диверсант

Серия «Заблудшая душа», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6603815
Альфа-книга;

Аннотация

Игры, в которых ставкой служат судьбы народов, не заканчиваются никогда. Когтистая рука нелюди-дари сделала очередной ход, и в империи запылала гражданская война. Для ответного хода потребовались все доступные «фигуры», поэтому землянин Иван Боев, сбежавший на степную границу в новом теле и с новым именем, вынужден вернуться на «игровое поле» в непривычном для себя статусе диверсанта. Но в этой партии заблудшая в чужом мире душа будет играть только по своим правилам.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	16
Глава 2	62
Глава 3	117
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Григорий Шаргородский

Заблудшая душа. Диверсант

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Пролог

Крошечная капля воды, родившаяся где-то очень высоко в небе, начала свой путь к земле. Она могла бы напитать собой грунт и дать силы слабому ростку или же присоединиться к миллионам других капель в бурлящей реке, но не в этот день. То ли по законам физики, то ли в соответствии с высшей волей этой капле было суждено смешаться с микроскопическими частичками пыли и стать маленьким чудом – невообразимо сложным и удивительно прекрасным кристаллом льда.

Вместе со своими подружками легчайшая снежинка устремилась вниз в завораживающе-прекрасном танце-падении. Да только жаль, что этот танец имел отнюдь не самый поэтический финал.

Стражник чихнул и недовольно стер влагу, образующуюся от снега, постоянно тающего на его покрасневшем лице. Он в сотый раз проклял того, кто придумал настолько неудобный шлем: летом в нем жарко, а зимой снег постоянно норовит залепить лицо. И все же основной причиной его страданий была отнюдь не конструкция шлема или прощальный снегопад уходящей зимы и тем более не маленькие снежинки на носу – стражник буквально умирал от жуткого похмелья.

В это самое время он должен был отсыпаться после вче-

рашной попойки, а не торчать на облепленной пятнами снега серой стене, но судьба распорядилась иначе. «Понесла же нелегкая эту чокнутую императрицу в гости к разродившейся первенцем герцогине!»

Судьбы высших сановников империи страдающего наемника не волновали, а вот то, что барон отправил на перехват императорского кортежа тех, кто должен был заступить на охрану стен, отразилось на жизни похмельного постового самым неприятным образом.

Наемник в очередной раз горестно вздохнул и подошел к краю стены. Смотреть там было не на что – солнечные лучи сверкали на снегу, не оставляя без своего внимания ни единого уголка огромной поляны вокруг баронского замка. Несмотря на бессмысленность этой затеи, стражник все же окинул взглядом окрестности и сделал это отнюдь не в порыве профессионального энтузиазма, а потому что только так можно было перебороть страшное желание закрыть глаза и уснуть.

Звонкий щелчок, казалось, заполнил весь мир вокруг стражника, и в следующий миг все его похмельные проблемы остались в прошлом, вместе с жизнью: короткий арбалетный болт легко пробил действительно низкосортный металл шлема и засел в голове наемника по самое оперение.

Через несколько секунд между зубцами крепостной стены появился очень колоритный, особенно в этих краях, персонаж, сжимающий в руках конец длинной жерди. Останься в

наемнике хоть капля жизни, он бы наверняка очень удивился подобному явлению. Кронайский пират на севере империи, безумно далеко от теплого моря, смотрелся на заснеженной стене, как степняк-хтар на борту пиратской шхуны, – дико и неестественно.

Абсурд стал масштабнее, когда на стену тем же способом «взбежали» еще два десятка кронайцев. Это были именно они: никакие темные форменные полушубки имперской тайной канцелярии и мохнатые шапки не могли скрыть шикарных бакенбард и «утиной» походки настоящих моряков. К тому же каждый кронаец «украсил» свою форму цветастыми платочками, оборочками и вставками – истребить у этого народа страсть ко всему яркому было невозможно априори.

– Бодар, твой десяток прикрывает нам спину и контролирует двор. Лабра, ты ведешь своих за мной, – тихо прошептал командир отряда, появившийся на этой стене первым. Невысокого роста, но плотный и оттого практически квадратный, кронаец махнул рукой и резким движением обнажил шпагу.

Штурмовики взобрались по самому низкому участку стены, поэтому до надвратной башни было довольно далеко. К тому же Карна смущало практически полное отсутствие стражи на стенах – не брать же в расчет этого идиота с болтом в непутевой голове.

Опасения опасениями, но время утекало, как вода за бортом, и если не начать сейчас, то Лован и, что намного хуже,

граф будут недовольны.

Растянувшись цепочкой, десять пиратов за минуту добежали до входа в надвратную башню и остановились возле массивной двери, закрывавшей выход из каменного строения на стену. Дверь оказалась незапертой, что лишь добавило подозрительному кронайцу настороженности. Короткий кивок командира – и два пирата ловко забросили «кошки» с канатами на верхушку надвратной башни, а затем буквально побежали по стене со стороны двора.

С тыльной части башня имела два окна, и, несмотря на недостаточную ширину даже для ловких кронайцев, проемы окон вполне подходили для нужд метких арбалетчиков.

Крики и стоны, прозвучавшие в ответ на тихие щелчки арбалетов, говорили о том, что их все же ждали. Это же подтвердил звук колокола над башней, оповестивший весь замок о приходе врага.

– Проклятье, – злобно ругнулся Карн и кивком подал знак подчиненному.

Худошавый пират рывком открыл дверь, и командир абордажной команды нырнул головой вперед, перекатом перемещаясь внутрь башни. Над ним тут же пролетел толстый арбалетный болт.

Выход из переката завершился выпадом в живот стражника, с трудом удерживающего на весу осадный арбалет. Острый кончик шпаги нашел в звеньях кольчуги необходимый участок, а сила выпада позволила острой кромке раз-

резать несколько соседних звеньев, и клинок глубоко вошел в плоть, пронзая многострадальную печень. Обратный шпага вышла намного легче, увлекая за собой небольшой фонтан темной крови.

В помещении с большим воротом, предназначенным для подъема массивной решетки, дежурил полный десяток стражников, половина которых должна была находиться на стенах. После стремительной атаки пиратов в живых осталось семеро. Через несколько секунд полегли еще шесть стражников, и Карну «на закуску» остался лишь десятник, отскочивший за деревянную конструкцию подъемника.

Огромный ворот с длинными ручками и системой блоков примыкал к задней стене помещения, так что десятнику нужно было защищать лишь пространство перед собой, не беспокоясь об угрозе со спины. Матерый мечник прикрылся щитом и явно собирался разменять свою жизнь на парочку вражеских. Можно было достать его из арбалета, но время поджимало.

Карн не стал лезть на рожон. Легкий прыжок заставил тело, с детства привыкшее бегать по такелажу и реям, легко взлететь на подъемный механизм. Противник этого не ожидал, потому успел лишь развернуть щит, но слишком поздно. Узкое жало тяжелой шпаги скользнуло по верхней кромке щита, впившись в глазницу стражника.

Через секунду почти вся команда пиратов дружно налегала на длинные ручки ворота.

Первыми в увеличивающийся зазор под ошестинившейся острями тяжелой решеткой нырнула десятка гвардейских легионеров в черных «рельефных» панцирях, и уже следом, чуть пригнувшись, прошел центурион Лован. Статус немого воина в империи сильно изменился. Он вернулся на родину и даже сохранил старое звание, но по-прежнему остался чужим и легиону, и империи. На данный момент он выполнял функции посредника между тайной канцелярией и гвардией, поэтому не мог бездумно лезть в бой.

Лован посмотрел вверх и с завистью увидел ухмыляющегося Карна, который, в отличие от центуриона, по-прежнему в деле и вовсю веселится со своей «абордажной командой».

Короткий жест из арсенала легионерского языка знаков заставил следовавших за центурионом четыре десятка гвардейцев рассыпаться по большому двору перед донжоном. Легионеры моментально взяли под контроль выходы как из основного здания, так и из всех подсобных помещений.

Те немногие защитники замка, которые появились на заснеженной площадке перед входом в донжон, практически не оказывали сопротивления. С одной стороны, все понятно – основная сила гарнизона ушла на перехват кортежа императрицы, но все же центуриона терзало смутное беспокойство и ощущение какого-то дежавю.

Впрочем, приказ все равно нужно выполнять. Следующий жест отправил пять десятков под командованием тираха вперед. Легионеры разбились на небольшие группы и вломи-

лись во все двери разом.

Через минуту часть легионеров, проверив подсобные помещения, прошла в вывороченные двери донжона следом за основной группой.

Последний десяток был остановлен свистком центуриона и бегом направился к хмурившемуся куратору.

Появление во дворе кареты с императорским гербом только усилило недобрые предчувствия Лована, а через секунду его параноя получила вещественные подтверждения. Два подозрительно светлых участка стены донжона рухнули, и из провалов хлынула толпа воинов числом не менее сотни.

Лован судорожно сглотнул. Даже если из донжона вернуться все легионеры, их все равно будет слишком мало. Теперь центурион вспомнил: нечто подобное он уже видел, когда вместе с Ваном штурмовал резиденцию военного советника в Пакинае. Тогда они отбились, а вот сейчас шансы достойно ответить на уловку горцев таяли, как снег под весенним солнцем.

Когда рухнула фальшивая стена, начальник тайной канцелярии империи граф Гвиери лишь улыбнулся: «Что ж, этого следовало ожидать: против меня выступает серьезный игрок».

После короткого кивка один из пары телохранителей в черной форме тайной канцелярии дунул в свисток. И тут же поменял сигнальный инструмент на инструмент смерти – короткий и узкий меч.

Десяток легионеров под руководством Лована оттеснил графа с телохранителями и невысокую фигурку беременной женщины к стене, прикрывая их щитами, а сверху, как груши с дерева, посыпались бойцы «абордажной команды». Но все эти ухищрения казались напрасными. Толпа орущих воинов, основную часть которой составляли горцы из Свободных Королевств, могла растерзать эту хлипкую оборону в одну секунду. Тот, кто играл против графа, мог гордиться своим умом, но он все же не дотягивал до уровня начальника тайной службы безопасности императрицы Лары.

Не успели первые удары посыпаться на поднятые щиты легионеров, как во двор через открытую арку влетела стальная масса десяти рыцарей, вслед за нею хлынул кольчужный поток конных оруженосцев. Мало того, на стене как грибы после дождя начали вырастать мехово-кольчужные силуэты. Огромные «медведи» сделали по выстрелу из арбалетов и тут же скользнули по канатам вниз.

Бой закончился за пару минут – горцев буквально размазали по вымощенному камнем двору. Схватка моментально переместилась внутрь донжона, откуда с верхних этажей навстречу отступающим горцам ударили легионеры передового отряда.

Гвиери удовлетворенно улыбнулся, перевел взгляд на беременную женщину и тут же кисло поморщился, увидев торчащий из большого живота арбалетный болт.

– Яна, почему ты не вытащила эту гадость?

– Простите, ваша милость, просто хотелось сохранить его, чтобы воткнуть стреляющему по беременным женщинам скоту в...

– Прекратите ругаться, баронесса. – Гвиери улыбнулся, но все же не дал хтарке озвучить свою мысль до конца. – Думаю, того, кто так лихо попадает с дерева в окно кареты, наши «медведи» уже сбили, как шишку, и затоптали.

Яна, совсем недавно ставшая баронессой Рошаль, лишь фыркнула в ответ, но болт из фальшивого живота выдернула и тут же решительным шагом направилась в сторону донжона в поисках места, где можно «пристроить» этот метательный снаряд.

Граф же остался у стены, обдумывая сложившуюся ситуацию. Хозяин этого замка был человеком не особо умным и, что самое главное, не таким уж богатым, значит, за ним стоит тот, кто имеет деньги для найма сотни горцев и мозги для воплощения сложной аферы. Легенда о том, что старик хотел отомстить за погибшего при захвате императорского дворца сына, трещала по швам. Возможно, удастся узнать хоть что-то от пленников, но, судя по размаху операции, шанс был мизерным. Граф в очередной раз пожалел, что потерял такой мощный инструмент, как «камень душ». Поиски профессора Ургена и беглого «джинна» из иного мира до сих пор так ничего и не дали. А как бы все было просто – подсаживай душу иномирянина в тело бунтаря и получай готовые ответы.

С некоторой ностальгией граф вспомнил свой великий

триумф, начавшийся с первого вселения Вана в тело мошенника и закончившийся женитьбой «одержимого» тем же Ваном императора на Ларе и ее восшествием на престол.

Душа погибшего в далеком мире человека по имени Ван, или, как он сам себя называл – Иван, оказалась необычайно полезной. «Джинн» был умен и находчив, он сумел сохранить рассудок и выдержку и в теле пирата, и в теле генерала, он даже умудрился обуздать плоть нелюди дари. Впрочем, именно благодаря этой находчивости Ван сумел улизнуть от графа и получить свободу.

Воспоминания графа прервал голос Яны, выглянувшей из окна второго этажа донжона:

– Ваша милость, вам стоит взглянуть на это самому. – Голос девушки не предвещал ничего хорошего.

В том, что ситуация действительно чрезвычайная, граф убедился, посмотрев на пол большой комнаты в северной части донжона. Выстеленная досками поверхность была завалена трупами защитников, но лишь одно тело буквально приковывало к себе взгляд. Раскинув руки, у стены лежал вроде человек, но более внимательный взгляд выделял странную форму носа, когти на руках и серую кожу на костлявом лице.

– Тухлая каракатица! – озвучил мысли графа появившийся в комнате Карн.

Вид тела дари напоминал графу о том, что незначительным бунтом этот дело не ограничится. Нелюди играли толь-

ко по-крупному, и впереди империю ждут серьезные потрясения.

Желание найти беглого Вана и задать ему пару вопросов стало еще сильнее – ведь граф уже давно понял, что после нахождения в теле одного из братьев лежащего у стены трупа «джинн» рассказал своим эксплуататорам далеко не все.

– И где же его найти? – невольно произнес вслух граф, что не укрылось от чуткого слуха пирата.

– Я бы тоже хотел знать, где эта тварь, – злобно прошипел Карн, в очередной раз удивляя графа непонятно откуда взявшейся ненавистью к иномирянину.

Глава 1

Степной барон

Зима в степи – это нечто непередаваемое: кажется, будто во вселенной нет ничего, кроме чуть выцветшего неба и белоснежной, слегка собранной складками холмов огромной скатерти степи. Даже иногда попадавшие рожи не делали эту картину менее сказочной – природа словно выткала тонкие кружева, выстирала их и выбелила, а затем развесила сушиться на ветвях. Тех самых ветвях, которые в конце лета радовали своим богатством, а в финале осенней поры вызывали жалость, потеряв все золото листвы.

А вот зимой для печали места не оставалось, лишь звенящая пустота, которая вызывала в душе желание бежать за горизонт, навстречу неведомому чуду. Живя в городе, даже таком небольшом, как Таганрог, я был лишен этой чистоты и безграничности. Городской снег всегда выглядел грязной и жалкой побирушкой, а не всемогущим седым исполином, царившим в этом мире, который никогда не знал копоты заводов и яда бытовой химии.

В этом мире мне нравилось все: и природа, и люди, и даже случайно доставшееся тело. Юный барон Герд Маран не был ни силачом, ни красавцем, но все недостатки с лихвой восполнялись бушующей в крови юноши молодой энерги-

ей и острым восприятием окружающего мира. С вызванной гормонами щенячьей радостью иногда даже приходилось бороться, что удавалось далеко не всегда. Впрочем, вновь делать детские глупости и ошибаться все равно было приятно – ведь не нужно никого опасаться и можно жить так, как мне того хочется.

Очередной приступ восторга заставил меня ткнуть пятками в мохнатые бока Черныша. Невысокий, но прекрасно сложенный конь почувствовал порыв седока и, развивая неплохую скорость, рванул вперед, несмотря на довольно глубокий снег. Это было прекрасное животное, унаследовавшее красоту и силу рыцарской породы с юга империи и выносливость хтарских лошадок, которых не смущали ни бескрайность степи, ни снег по колено. Именно на таких степных лошадаках ехала вся моя «свита». В крови этих лошадей не было благородной примеси, поэтому они и отстали.

Охто недовольно прикрикнул на свою лохматую «малышку». Удивительно, но хтарская кобылка, всегда казавшаяся тихоней, прибавила в скорости, да так, что обогнала четверку «казаков». Конечно, ширококостный бородач Курат и его подчиненные не родились казаками, они принадлежали к своеобразной субкультуре «вольных» – сборной солянке разных народностей, осевших на степной границе империи, – но мне захотелось называть их именно так, и ребятам это слово понравилось. Так что теперь в мире, очень далеко от берегов Дона, Кубани и Днепра, по степи гуляли казаки.

И старый хтар Охто, и Курат достались мне в наследство от родителей Герда. Я не помнил тех, кто подарил жизнь моему новому телу, и искренне сожалел, что не смог позаботиться о них в старости. Когда мы с профессором Ургеном явились в поместье Маран, там оставались лишь дородная управительница Никора, старый лекарь-ветеринар хтар Охто и бывший предводитель баронской дружины Курат, который как раз пытался не допустить кредиторов старого барона к грустно понурившемуся коньку, впоследствии названному Чернышом.

Мое вмешательство расставило все по своим местам – представитель соседа-барона получил вместо коня три серебряных империала долга и в морду от Курата. К слову, гибрид рыцарского тяжеловоза и степной лошади стоил около трех золотых.

Затем последовала пропитанная недоверием встреча юного барона, которая завершилась решительными действиями домоправительницы. Никора, когда-то качавшая наследника на собственных руках, решительно задрала мне рубаху, посчитала родинки и потерла наслонявленным пальцем родимое пятно на лопатке, а затем, заливаясь слезами, повисла на шее у «деточки», которого не видела больше пяти лет. В общем, соплей в тот день хватило.

И вот теперь я – полноправный барон и занимаюсь самым что ни на есть дворянским развлечением – охотой. Вообще-то назвать это действо развлечением довольно трудно –

несмотря на прекраснейшую картинку окружающего мира, глубокий снег вкупе с пронзительным ветром делали это занятие утомительным, но мои новые подданные хотели есть, а купленные осенью припасы подходили к концу. Нет, деньги еще оставались, но в конце зимы купить в этих краях продукты было практически невозможно. Так что охота не охота, а ехать надо, и искали мы не кого-нибудь, а местный аналог зубра. По крайней мере, так я понял из рассказов мастера на все руки хтара Охто. Дядька был более чем колоритным персонажем – полтора метра «в прыжке», сморщенный, как изюм, старикан хитро смотрел на мир раскосыми глазами, словно намекая, что знает ответы на все вопросы, да только не станет на них отвечать. Как он попал к старому барону, было непонятно, но из степи старик принес кучку умений – он и ветеринар, и охотник, и скорняк, даже роды принимал, когда это было нужно.

То, что я не совсем правильно понял слова Отха, стало вырисовываться вместе с нагромождением коричневых комков на волнистом горизонте. Зубры оказались не совсем зубрами, особенно если присмотреться к вышедшему нам навстречу экземпляру. Стало сразу понятно, почему Курат недоволен поморщился, когда Охто в красках рассказывал, насколько увлекательной будет охота на «зубров». Предводитель стада в принципе имел внешнее сходство с зубром или, в американском варианте, бизоном, но если обитатели прерий весили где-то до тонны, то это чудовище наверняка

потянет не меньше чем на двадцать центнеров. Или мне так показалось от страха?

Да уж, неприятно это ощущать, но вместе со свободой и постоянным телом, которое можно потерять в любую минуту, причем без замены, я получил страх. Конечно, страх был не таким, как в земной жизни, но все равно чувство очень неприятное.

Кроме веса и тяжелого характера, местный бычок явно отличался от земных родственников более длинными рогами. Этот факт и то, что мои потуги в овладении местным луком оставляли желать лучшего, вызывали желание развернуть лошадку и дать деру. Судя по тому, как Черныш затоптался на месте, он полностью разделял мои мысли. Но, увы, теперь я барон и на меня смотрят мои люди.

Ладно, зимние месяцы все же не прошли бесцельно, и я хоть что-то да умею. Составной хтарский лук легко вышел из специального отделения в колчане. Из соседнего кармашка я достал стрелу и, как учил Курат, привстал в стременах. Сочленения разных пластин слегка скрипнули под кожаной обмоткой короткого и круторогого лука, а оперение стрелы защекотало щеку. Тетива тренькнула и хлопнула по левому рукаву короткой куртки. Полета стрелы я не увидел, но попал точно, потому что зубр возмущенно хрюкнул, подпрыгнул и рванул вперед с целеустремленностью скоростного поезда.

– Хозяин, поспешать тебе надо, – выкрикнул Охто, объ-

езжая меня по кругу и делая на скаку два выстрела.

Закончив объезд, хтар, не дожидаясь своего господина, унесся в обратном направлении. Черныш в этой ситуации соображал быстрее своего седока, поэтому без команды развернулся и поскакал подальше от взбешенного быка. Три стрелы в толстой шкуре отнюдь не испугали обладателя огромной туши и скверного характера, даже добавили ярости, что сказалось также и на скорости.

Испугаться окончательно я не успел, так как через пару минут понял, что догнать Черныша быку не суждено. Даже коротконогие лошадки хтара и казаков спокойно держали дистанцию.

Очевидно, что суть охоты не могла заключаться в убегаении от быка – хтар и казаки на скаку посылали стрелы за спину, причем Охто делал это в два раза быстрее остальных. Минут через пять я неожиданно заметил, что не просто возглавляю «отступление», но и вообще остался в одиночестве. Взгляд за спину показал, что мои подчиненные стоят на месте, вгоняя стрелы в замершего чуть дальше быка.

Принять участия в этом «расстреле» мне не удалось – как только Черныш доскакал до основной группы, бык рванул прочь от нас, и, что удивительно, явно не в сторону стада.

Всю осень и зиму у меня было достаточно и своих забот, так что на охоту ездить не удавалось, поэтому смысл происходящего доходил до меня с трудом. Мои подданные с поучениями не лезли, а я, идиот, спросить не удосужился. И

только теперь начал понимать, что быка берут измором, а он, в свою очередь, роняя на снег капли крови, старается увести охотников от стада.

Подобное благородство вызывало уважение и соответственно сочувствие к этому сильному животному, но ничего не поделаешь – не я распределял места в пищевой цепочке этого мира.

Бык остановился километра через два. В погоню он шел по нашим следам – пятерка лошадей пробивала снежную целину, облегчая преследователю путь, – теперь же ему пришлось ломать наст самому. Да и раны уже дали о себе знать.

Как ни странно, Охто остановил свою лошадку далеко от вставшего столбом зверя и даже затормозил меня:

– Хозяин, нужно мало ждать.

– Почему?

– Зверь много хитрый, хозяин. Нужно ждать, – упрямо мотнул головой хтар, и бородатый Курат не стал ему возражать.

Ну что ж, ждать так ждать.

Сколько в подобных случаях выжидали опытные охотники, выяснить так и не удалось – в отдалении послышался вой, заставивший дернуться всех охотников, включая меня. И если я сделал это инстинктивно, остальные явно понимали, что происходит.

– Хозяин, надо сильно ехать, – тут же заявил Охто, разворачивая лошадку.

– А бык? – не понял я.

– Бык теперь не наш, бык теперь – хозяина.

– Не понял. – Я действительно не понял. Несмотря на ломаную речь, хтар всегда изъяснялся довольно вразумительно, так что последнее высказывание настораживало. К счастью, мои затруднения были понятны Курату.

– Господин, этого быка захотел себе «хозяин степи», то есть волк, – спокойно объяснил новонареченный казак.

– Мы что, с волком не справимся?

– С этим точно нет, – терпеливо, как ребенку, начал рассказывать Курат. – Господин, это не простой волк, а «хозяин», кроме него в степи хищников нет и не может быть. Если, конечно, не считать камышовых котов, но те хозяевам не конкуренты и добыча у них разная. Охотиться на волков в степи может только самоубийца, и если уж «хозяева» выбрали себе жертву, то не отдадут. Хорошо, хоть предупреждают сначала. Они вообще не нападают без предупреждения.

– В смысле? – удивился я, но все же повернул Черныша следом за хтаром, потому что Курат определенно начинал нервничать.

– Не знаю почему, но на людей «хозяева» не нападают. Кроме случаев, когда какой-то идиот кинется на них сам или станет претендовать на добычу. Так что, господин, нам лучше оставить быка волкам.

– Интересно девки пляшут, – пробубнил я себе под нос. – Ладно, оставить так оставить.

Ссориться с местными «хозяевами» было глупо, а вот понаблюдать все же стоило.

Степь в этом районе не была идеально ровной, но и высоких холмов тоже не наблюдалось – просто огромное белое море с легким волнением. Ближайший холм находился метрах в двухстах от места, где сливавшиеся со снегом серовато-белые фигуры уже окружили упавшего быка.

Еще в столице, перед операцией по изъятию припрятанных денег императора, я осуществил давнюю мечту пирата Эдгара Омара, да и свою собственную. У старшего брата Эдгара была дорогушая подзорная труба. Понимая, что степь – это тоже море, со всеми вытекающими последствиями, средства дальнего наблюдения теряли статус роскоши и переходили в разряд жизненной необходимости. Поход по магазинам закончился в очень дорогой ювелирной лавке, где за цену боевого рыцарского коня мне предложили украшенный позолотой и камнями раскладной оптический инструмент. Подзорная труба выглядела как дамская игрушка. Главный диаметр около пяти сантиметров, длина чуть больше полуметра в раскрытом виде – довольно компактный прибор, дающий где-то семикратное увеличение. Жаба душила с невероятной силой, но этот бой все же выиграло благородие.

Труба со щелчком разложилась, давая мне возможность в подробностях рассмотреть финальную сцену охоты.

По непонятным для меня причинам волки по-прежнему

стояли вокруг быка и не нападали. Если я не ошибся в масштабах местного бизона, то покрытые пепельной шкурой хищники ростом были где-то с крупного немецкого дога, но значительно массивнее. Как и обычные волки, они не могли поворачивать голову, а вот профиль имели особенный – больше всего настораживала удивительно лобастая голова, приближавшая «хозяев» к собакам. Особенно выделялся вожак – и полобастее, и размером покрупней. Судя по косвенным признакам, стая состояла из трех самок, четырех голов молодняка непонятной половой принадлежности, матерого вожака и еще одного самца, не многим уступающего статью своему предводителю.

Пока я рассматривал хозяев степи, вокруг быка началось движение. Вожак все это время топтался на месте, чего-то выжидая. А вот молодой самец явно не понимал мотивов старшего товарища. Он даже шагнул вперед, чтобы первым напасть на подранка, и тут вожак сделал явную ошибку – он не мог позволить ретивому подчиненному первому вцепиться в горло жертвы, поэтому прыгнул вперед, несмотря на предупреждения интуиции.

Тут же стало понятно, почему хтар не дал мне подъехать к умирающему бизону, который, подогнув ноги, лежал на снегу. Громадная туша ринулась вперед, как ракета «земля-земля». Вожак волков хотел свернуть с пути этой махины, но сделал только хуже – бык боднул его в бок и рывком головы отбросил в сторону. Не останавливаясь, бизон понесся в

степь, а волчицы дернулись следом, но остановились, понимая, что сейчас решится судьба стаи.

Король умер, да здравствует король!

То, что смена власти произойдет именно сейчас, было очевидно – на пепельной шерсти вожака расплывалось кровавое пятно, а его «заместитель» шел вперед с видом подкрадывающегося к жертве хищника. Вожак попытался встать, но тут же рухнул обратно в перепачканный красным снегом. Его соперник подошел ближе, но вдруг остановился. Представшая перед ним картинка что-то напоминала и молодому волку, и мне – минуту назад точно так же, подогнув под себя конечности и уронив морду в снег, лежал бык.

Случившее с вожаком все же пошло на пользу будущему главе стаи, и он сделал шаг назад. Словно подтверждая его догадку, старый волк резко встал на ноги и показал в оскале длинные клыки. Это оказалось последним доводом – молодой вожак резко развернулся и побежал по следу зубра. Стая, вытянувшись цепочкой, направилась за ним.

Бывший вожак, а теперь умирающий одиночка, простоял еще минуту, а затем, не сгибая лап, рухнул на бок. Похоже, сил у него оставалось только на демонстрацию, и уж точно не на сам бой с полным сил соперником.

Я опустил подзорную трубу, и белый мир тут же заполнил все вокруг, лишь вдалеке виделась сероватая точка в розовом ореоле пятен крови двух вожаков: быка и волка. Через час ветер заметет снегом все следы, как и холодное тело

«хозяина степи», а пока он умирал, одинокий и всеми брошенный. Почему-то мне стало невыносимо грустно.

Решение было спонтанным и чуточку сумасбродным. Я толкнул Черныша коленями, и умный конь, повернув голову, покосился на меня огромным глазом с явным вопросом: «У тебя все в порядке с мозгами?»

Возможно, я все же не решился бы подъехать к волку, но неожиданно услышал голос хтара.

– Правильно, хозяин, воин не должен так умирать.

Волк поскуливал от боли, но как только почувствовал присутствие чужака, тут же замолчал и даже попытался зарычать.

Подходить к зверюге, которая вблизи оказалась еще больше, было как-то боязно, но когда еще удастся рассмотреть хозяина степи с такого расстояния?

– Спокойно, парень, я не собираюсь причинять тебе зла, – сам не понимая почему, заговорил я с бессловесной тварью.

Волк с большим трудом поднял голову и посмотрел на меня. У него были практически человечески глаза, и в них чувствовался разум. Взгляд зверя был наполнен болью и отчаяньем с оттенком страха – матерый хищник не желал умирать такой жалкой смертью. Подобную эмоцию я чувствовал, находясь в теле генерала Сакнара, – тоже отчаянье старого воюки и ненависть к несправедливому миру. Мысль возникла в голове внезапно, как и любая другая безумная идея.

Хотя кто его знает, ведь говорил же Курат, что волки не

нападают на людей без причины. Может, идея не так уж и безумна?

– Послушай, хозяин, если я попробую тебя вытащить, обещаешь не нападать на моих людей? – Самым странным было не то, что я разговаривал с животным, а то, что разглядел в его взгляде согласие.

Прочитанная мною мысль в глазах волка была последней – силы оставили его, и тяжелая голова вновь ткнулась в снег.

– Охто, Курат, готовьте волокуши. Мы берем волка с собой!

Реакция подданных была разнообразной – казаки смотрели на своего барона как на умалишенного, а вот хтар кивнул с одобрением.

На обратном пути мы все же наведались к стаду и подстрелили крупную корову. Молодые бычки не рискнули атаковать людей и повели стадо дальше в степь. Хтар в охоте не участвовал, он колдовал возле волка, на скорую руку зашивая рваную рану на боку зверя.

Казаки в мгновение ока разделали хоть и не такую огромную, как у вожака, но тоже немаленькую тушу. Что удивительно, все стрелы, кроме моих, торчали из головы животного – так что именно «благодаря» моему вмешательству шкура оказалась изрядно подпорченной. После этого отряд, превратившийся в санный, точнее, «волокушный» обоз, направился домой.

Этот сладкое слово – ДОМ. Место, где тебя ждут и где ты чувствуешь себя в полной безопасности. Лишь в этом мире, поскитавшись не только по городам, но и по разным телам, я понял ценность подобного места.

В конце зимы усадьба Маран выглядела намного лучше, чем осенью, и я надеялся, что к следующей зиме здесь будет уже приличный городок. За зиму мы даже успели разметить шестиугольник будущего защитного периметра.

Поместье расположилось на невысоком холме у самой реки, которую мы быстро преодолели по толстому льду. Справа в километре от поселения белели верхушки небольшой рощицы, второй массив чахлых деревьев находился чуть дальше, у переправы через достаточно широкий, особенно весной, поток Чумры – что по-хтарски значит «глубокая». Впрочем, для степняка любой ручеек является труднопреодолимой водной преградой.

Явившись сюда впервые в сопровождении Ургена и двух людей мятежного маркиза, я увидел лишь полуразрушенную усадьбу, состоящую из большого бревенчатого дома и четырех сараев, окруженных деревянным частоколом. От бывшего благополучия в усадьбе остались только меньше десятка слуг умершей год назад баронской четы и дюжина голов разной живности. Птицу я считать не стал.

Теперь же на снежном горизонте возникло небольшое поместье – двухэтажный бревенчатый дом, окруженный десятком подсобных строений, а также восемью длинными бара-

ками, расположенными по периметру поселения. Обносить все это частоколом было глупо – и без того на дома ушли бревна со старого поместья и все, что можно было взять в рощицах, плюс купленные у соседей. С другой стороны, зимой нападать на нас никто не собирается, а на весну у меня серьезные архитектурные планы без участия древесины.

Как всегда, возвращающихся охотников встретила детвора. Спрятаться от этой оравы было невозможно. Два десятка совсем мелкой ребятни выплеснулись веселым потоком из поселения и едва ли не облепили лошадей «обоза». Казаки со «зверскими» лицами отмахивались от детишек чем-то наподобие нагаек, а дети хохотали еще больше.

Едва мы остановились возле одного из сараев, появился десяток женщин, тут же сноровисто разобравших груз мяса и утащивших его куда-то в недра этого человеческого муравейника. Действительно муравейника, потому что места было маловато, а вот людей слишком много.

Сейчас в поселении проживали почти четыреста человек – по полсотни жильцов в каждом бараке. Тесно, но, по крайней мере, теперь никто не гоняется за тобой по лесам, и детишки не голодают. Точнее, пока не голодают. Увы, я немного не рассчитал с продуктами.

На обеспечение поселения всем необходимым была потрачена почти половина всех добытых в столице денег – а это ни много ни мало пятьдесят бриллиантовых имперялов.

Впрочем, до реального голода было далеко, а все тревож-

ные разговоры больше основывалась на паранойе Никоры, уже начавшей долбить мне мозг тем, что в амбарах осталось мало зерна. Именно поэтому я увеличил количество охотничьих партий и даже решил съездить на охоту сам.

Виновница продуктового переполоха встречала меня на высоком крыльце главного дома.

– Господин, вы как раз к обеду. Пельмешки вот-вот подспеют, а уха уже готова.

Довольно странные слова в устах местной уроженки, но на самом деле ничего удивительного. После короткого ликбеза по русской кухне местные и поварахи, и остальной народ с восторгом приняли новые для себя идеи макарон, котлет и ухи. Как ни странно, рыбу здесь раньше только запекали на открытом огне, а вот некое подобие пельменей имелось – впрочем, местное блюдо было больше похоже на манты. Для их приготовления кухарки обходились без мясорубки, пользуясь только ножами.

Отобедав и освежившись после долгой охоты в самой настоящей русской баньке, да с веничками, которыми орудовал поднаторевший в этом деле Курат, и нырянием в сугроб, я на несколько минут словно вернулся на Землю. Впрочем, возвращение из воображаемого путешествия меня не особо расстроило. Этот мир потихоньку становился мне родным.

Несмотря на зиму, дел в поместье было много, хотя работой я загружал всех не по хозяйственной необходимости, а скорее для того, чтобы не возникало дрязг, вызванных слиш-

ком близким проживанием в тесных и очень дорогостоящих жилищах.

Дома действительно были едва ли не на вес золота: древесина в степи – дорогой товар даже для постройки зданий. Мало того, пришлось ломать стереотипы лесных жителей насчет источника тепла. Возле поместья росли только две небольшие рощицы, которые уже лишились более или менее толстых деревьев и в плане отопления не могли помочь сильно увеличившемуся поселению. Хорошо, что я поинтересовался у местных наличием поблизости залежей каменного угля. Месторождение имелось, причем уголь там залегал неглубоко и был неплохого качества. До моего появления в этих краях месторождение разрабатывали лишь для нужд кузнецов, поэтому я легко выкупил его у соседнего барона за пять золотых.

Подобная дешевизна объяснялась тем, что здесь мало кто умел пользоваться углем для отопления жилища – использовали в основном привезенные дрова, солому, хворост из прибрежных зарослей и, по примеру хтаров, высушенный помет животных. В основном все это жгли либо в полуоткрытых очагах, либо в печах наподобие русских. Зимой же грелись как могли – бок о бок с домашними животными.

Поистине бесценным в такой ситуации стал мой опыт летних каникул у родственников в Бессарабии. Причерноморская степь тоже не изобиловала лесами, и дома там обогревались довольно сложными кирпичными конструкциями с вы-

сокой трубой, дававшими сильную воздушную тягу, – ведь без нее каменный уголь гореть не будет, хоть бензином его поливай. По большому счету, это был один длиннющий дымоход: сначала шла топка, накрытая сверху чугунной плитой для готовки еды, затем горизонтальный, в виде большой лежанки, дымоход, а в финале – высокая вертикальная труба.

Шестнадцать таких конструкций в восьми бараках обогревали всю ораву, причем без помощи не очень ароматной скотины, которая жила там, где ей и положено, – в сараях.

После обеда и бани я по привычке совершил вечерний обход своих владений и начал, как всегда, с мастерских. Их в поместье было четыре: столярная, кожевенная, кирпичная и кузница. Я приложил руку к созданию всех производственных цепочек, но только приложил – ума местным мастерам хватало и без моего жалкого прогрессорства.

Ну скажите, откуда менеджеру по продажам набраться технических знаний? Только из школьных воспоминаний, телевизионных программ и книг про попаданцев. Да, именно из них, и я бы даже попробовал заняться металлургией, если бы писатели-фантасты понимали в этом деле хоть немного больше меня – полного профана.

И все же я привнес в этот мир кое-что из новинок – к примеру, стрелочный станок, являвшийся жутким гибридом токарного со швейной машинкой. Также я «придумал» штамповочный молот.

Весь цыганский табор бывших лесовиков появился в по-

местье Маран в начале зимы, и на первых порах было тяжко. Уже начались заморозки, а места в имеющихся помещениях было очень мало. Беременные женщины и дети заполнили весь господский дом, а остальные штабелями ютились в сараях. Недели за две мы общими усилиями построили бараки – благо рабочих рук было хоть отбавляй, – и я наконец-то смог нормально выспаться.

Сейчас, несмотря на тесноту, в поселке появился намек на спокойный быт. Практически вся работа по хозяйству, за исключением совсем уж тяжелой, легла на женщин. В мастерских хозяйничали старики и дети, а все мужское население готовилось к весеннему приходу степняков.

Столярная мастерская встретила меня запахом дерева, треском раскальваемых поленьев и стрекотом стрелочных станков. Со стороны эти самые станки выглядели чудовищно, но, несмотря на это, работали. Длинная и толстая заготовка закреплялась между двумя вращающимися зажимами с помощью колышков. Один из зажимов через вал и ременную передачу сообщался с большим колесом. Это колесо приводилось в движение по принципу старинной швейной машинки, только роль педали играли своеобразные качели, на которых восседали два мальчугана лет десяти. Новизна этого занятия уже давно прошла, но все равно такую работу пацаны воспринимали как развлечение.

Седой как лунь мастер водил специальным ножом по горизонтальной плоскости станка, стараясь, чтобы острие рав-

номерно шло вдоль вращающейся заготовки. Чуть больше минуты – и древко для тяжелой стрелы готово. Конечно, КПД станка был чудовищно низким из-за отсутствия даже намека на подшипники.

Дальше готовое древко шло к другому мастеру, такому же седому и морщинистому, который закреплял на одном конце древка оперение. Затем еще одна смена рук – и стрела увенчивалась острым наконечником. Вначале все это делал один человек, но я внес в процесс зачатки конвейерной сборки. Сам не ожидал, но производительность увеличилась.

Специалистов по оперению и «вооружению» стрел в помещении было три пары, так что заготовки особо не скапливались.

В другом конце сарая работали мастера по производству луков. Мои попытки влезть в процесс создания длинных луков были пресечены с первого же захода – единственное, что удалось сделать, это свести вместе Охто и лучного мастера, а дальше они все решали сами. Так что длинные луки лесовиков все же немного видоизменились.

С мастерами вообще получилась отдельная история – вместе с посыльным я отправил к лесному маркизу Савату Кардею список необходимых мне мастеров и предупреждение, что в случае нарушения этого условия отправлю всех переселенцев обратно. Условия местный Робин Гуд выполнил, но свинью все же подсунул – все мастера оказались древними стариками. Впрочем, дареному коню в зубы не

смотрят, сгодились и они, а мои угрозы изначально были блефом – я не стал бы выгонять беженцев, даже если бы там были только дети и калеки.

На выходе из помещения я больше для проформы заглянул в каморку заготовщиков, часть которых подготавливала буковые древки, костяные пластины и жилы для луков, другая часть раскалывала высокие сосновые чурбаки на заготовки для стрел. Все делалось очень аккуратно, потому что сырье было «импортным» и попало к нам аж из лесов севера империи.

Дальше по программе была кузня – квадратный сарай, из которого торчали две высокие трубы. Вместо привычного перезвона молотов оттуда доносились редкие и размеренные удары чего-то тяжелого. Мои губы невольно растянулись в самодовольной улыбке. Если идея по стрелочному станку вызвала у стариканов снисходительное одобрение, то штамповочный молот надолго ввел их в ступор.

Открывшаяся дверь дохнула на меня теплом и гарью. После яркого солнца и морозного воздуха я моментально закашлялся, но через секунду выровнял дыхание и нашел взглядом, можно сказать, свое главное детище. В этот момент огромная балясина как раз поднималась к потолку по двум жестко закрепленным на широкой наковальне металлическим стержням. В наковальне виднелось формовочное углубление в виде трех последовательно расположенных наконечников для стрел. На балясине подвижного молота име-

лись аналогичные выемки.

Сидящий возле наковальни старик взял щипцами короткую пластину разогретого до белого цвета металла и положил на форму. Сразу после этого балясина рухнула вниз, ударяясь о наковальню.

Через секунду все началось сначала – балясина поползла вверх, а сидящий с другой стороны от наковальни старик ловко выковырял скрепленные между собой тонким слоем металла три почти готовых наконечника и бросил их в чан с водой. Между наковальней и горном сидел еще один дедок, контролировавший температуру заготовок. Железные пластины заготовок обошлись мне дороже, чем простые слитки, но намного дешевле готовых наконечников, так что кузня принесла серьезную экономию.

Молот приводился в движение системой блоков и похожей на журавля конструкцией. На конце длинного плеча рычага имелась веревка, за которую всю конструкцию тянула основная рабочая сила кузницы. Шесть парней постарше поочередно цеплялись за веревку, своим весом увлекая рычаг вниз, а подвижную часть штамповочного «станка» вверх.

Защитники прав детей обвинят меня в использовании детского труда, технари обольют презрением «молот» и спросят: почему я проигнорировал водяное колесо или ветряк?

Что ж, первым я отвечу: попробуйте чем-то отвлечь детей от опасных шалостей, когда родители постоянно работают.

А вторые пусть сами попробуют в мире с таким уровнем цивилизации создать ветряк или водяную мельницу. Я попробовал и даже не хочу вспоминать этих жалких потуг.

Что же касается детей и всяких защитников их прав, скажу одно – детство не нужно защищать, его нужно делать интересным, увлекательным и ярким. А это возможно лишь тогда, когда маленький человек живет полной жизнью, а не существует за ширмой запретов и фальшивой заботы. К тому же постоянное упоминание о слишком больших правах, наравне с полным умалчиванием обязанностей и ответственности, порождает монстров. «Творения» подобного подхода в силу простой детской обиды способны разрушать своим враньем жизнь учителям, сталкивать друзей в глубокие колодцы и с крыш домов, ради смеха взрывать петарды под ногами беременных женщин и поджигать всякую живность, чтобы просто посмеяться. Детям нужно уделять внимание и дарить заботу, а не защищать их права.

Впрочем, это мое личное мнение, возможно насквозь неправильное.

В данном же случае ребятня постоянно сменяла друг друга, чтобы не скучать, а на «переменах» играла на свежем воздухе. В будущем я займусь школой и правильным детским досугом, но для этого сначала нужно было пережить первую весну – пережить в прямом смысле этого слова.

В кузне помимо мастеров и ребятни сидели еще три человека – двое зубилами отделяли наконечники от лишнего

металла, а третий занимался заточкой на точиле с ножным приводом.

За день мастерская выдавала до четырех сотен наконечников, так что столяры за ними не поспевали. Впрочем, когда предложение превышало спрос, кузнецы меняли штамп и делали пластины для доспехов или наконечники для копий.

Третьего «производственного комплекса» я решил не инспектировать, так же как и все предыдущие разы до этого. И дело было не только в том, что стоящий на отшибе сарай издавал неприятнейшие «ароматы», – еще этот запах был свидетельством моей глупости и недалекновидности. Осенью я закупил у хтаров полторы сотни лошадей для стрелков и казацкой дружины, а вот заготовить кормов не успел. Кормить лошадей зерном мне не давали Никора и собственный здравый смысл, так что пришлось пустить под нож целый табун. До сих пор как вспомню, так готов разорвать себя на куски. Но это я оттого, что привык к исключительному положению лошадей в нашем мире, а здесь кони являются простым источником мяса, как у нас бычки или козы. И все равно было муторно, а в глазах Черныша до сих пор чудились обвинительные нотки.

А вот Охто был рад такому исходу – прагматичный хтар утверждал, что взятый оптом табун обошелся намного дешевле, чем мясо и шкуры в отдельности. И это при всей его нежности к лошадям и другой живности. Городскому человеку не понять странного сочетания любви к животному и

спокойного отношения к убийству бывшего любимца, которые уживаются в тех, кто близок к природе. Весной глаза сельского человека с умилением смотрят на очаровательно-го птенца, уютно устроившегося в ладони хозяина, а осенью та же ладонь сожмет рукоять ножа, и никакие воспоминания не сумеют помешать заготовке мяса.

Тому, кто ужаснется такой черствости, хочу напомнить список ингредиентов, из которых состоит такая вкусная и такая ароматная колбаса.

Да, еще хочу сообщить блюстителям всевозможных прав: детей к кожевенной мастерской не подпускали. Увы, феминисток обрадовать не смогу – там работали в основном женщины и, как ни странно, относились к этому совершенно спокойно.

В кирпичной мастерской пока мне делать было нечего – мастера едва ли не поштучно сушили и обжигали кирпичи для печей, а также готовили к лету инструмент для большой работы. Задуманный мной городок будет не только кирпичным, но и крытым черепицей.

Под конец дня я наведалься в лошадиное царство Охто, находившееся у главного дома в спаренном сарае-конюшне. В самой конюшне хтара не нашлось, но, пройдя между рядами стойл с полусотней оставшихся в моем табуне лошадей, я добрался до сенника, где старик как раз менял волку повязку. Серый «хозяин степи» лежал на боку, и лишь отрывистое дыхание говорило о том, что он еще жив.

– Как он?

– Рог в легкое, жить будет, но много бегать – уже нет, – вздохнул хтар, который обращался с волком как с ребенком.

Кстати о детях – из разных углов сенника поблескивали десятки восхищенных глаз. Самые маленькие всегда крутились возле Охто. Ну хоть убейте, я никогда не признаю уход за лошадьми неподобающим занятием для ребенка. Конечно же таскать навоз их никто не заставлял.

– Охто, что здесь делает ребятня? А если он очнется? – с сомнением посмотрел я на довольно хлипкую деревянную клетку, в которой хтар делал перевязку раненому зверю.

– Хозяин никогда не нападет на ребенка.

– А тебе откуда это знать?

– Старики говорят, – как о чем-то само собой разумеющимся сказал хтар.

– А твои старики часто общались с этими зверюгами?

– Нет, – мотнул головой хтар.

– Так с чего ты взял, что это правда?

– Старики говорят, – с тем же выражением повторил Охто.

Похоже, этот довод имел для него железобетонную крепость, так что спорить было бесполезно.

Несмотря на уверенность степняка, я все же шикнул на ребятню. Они выскочили через отдельный выход из сенника и пушистыми комочками покатались по снегу двора.

– Ладно, старик, когда волк очнется, сообщи мне.

– Хорошо, хозяин, – покладисто поклонился хтар, не вста-

вая из-за малых размеров клетки, и вновь повернулся к своему пациенту.

Отношения со стариком складывались довольно странные – если все поселенцы обращались ко мне на «вы» и почтительно называли господином, то хтар величал меня «хозяином», но при этом тыкал и разговаривал крайне фамильярно. И это было отнюдь не плохое знание имперского языка, а проявление его отношения к моей персоне. Впрочем, меня подобные нюансы не беспокоили, как и подобострастие остальных подданных.

До смерти старого барона возле усадьбы находилась деревня жителей на сто, в основном живших в землянках и некоем подобии степных юрт. Торговля со степняками, собственный табун и налоги с этой «деревеньки» позволяли барону держать двадцать бойцов, которые в перерывах между обороной усадьбы от налетов хтарских разбойников работали пастухами.

Сначала лечение единственного сына «сожрало» табун, затем барон с супругой заболели и умерли. Как результат – воины-пастухи разошлись по другим хозяевам, а оставшаяся без защиты деревенька перекочевала всем составом на земли соседнего барона.

Оставив хтара с волком, я вернулся в главный дом. Приземистый бревенчатый монстр, встретивший меня по прибытии в поместье, канул в лету, предварительно позволив нам пересидеть осенний приход степняков. Брат у нас тогда бы-

ло нечего, и они не особо старались. Зимой, во время перестройки, основная часть бревен дома и частокола ушла на бараки и сараи, а из остального умелые плотники-лесовики выстроили аккуратный двухэтажный теремок. Внизу располагалась кухня и жилье для прислуги, а на втором этаже – мой кабинет, туалетная комната и спальня. Все это отапливалось теми же угольными печами.

Ужин прошел в кухне за большим столом, где обычно собирались все мои «приближенные»: Курат, Никора, находившийся сейчас в рейде Мороф и Урген, которого здесь знали как Руга из Забадара.

Курат уже сидел за столом, двигая бородой в ожидании кормежки, а Никора помогала Уфиле и смешливой Дирате накрывать на стол.

Когда все уже полезли ложками в местный вариант борща, появился Урген. Вот уже полгода как профессор буквально преобразился. Не знаю, что за блажь влезла ему в голову, но мои рассказы о казаках, как донских, так и днепровских, что-то провернули в профессорской голове, и вся наша компания имела сомнительное удовольствие наблюдать этакого запорожца, только в засушенном варианте. Черный «оселедец» и такие же усы смотрелись на носатой физиономии более чем колоритно, но стоит отметить, что замаскировался Урген славно – никто в здравом уме не заподозрит в этом сорокалетнем «козацюре» по имени Руг задерганного и робкого ученого из имперского университета. Да и фигура Ур-

гена тоже немного изменилась – здоровая пища, физические занятия на морозном воздухе и «постельные войны» давали о себе знать. Да, именно постельные войны – как это ни дико, но наш профессор влюбился в Никору. Вдова местного воина-пастуха была дамой крупной, горячей и очень резкой. Недельной свежести синяк под глазом профессора подтверждал градус темперамента этой женщины.

– Во здравие будет всем вам пища, – по местной традиции пожелал Урген-Руг, присаживаясь за стол.

– Благодарение святым, – невнятно прогудела компания, но если я и Никора тут же принялись есть, то Курат продолжил свое обращение к профессору:

– Руг, ты почему не явился на утреннюю тренировку?

– Так вы ж на охоту уезжали, – вздохнул профессор, уткнувшись своим длинным носом практически в тарелку.

– Ага, так, значит, кроме меня и барона в поместье больше не осталось достойных соперников? Хорошо, так Вырову и передам.

Профессор грустно вздохнул, хотя сам виноват. Среди молодых казаков мои рассказы о живущих в далекой стране вольных людях, которые в знак своей свободы носят чуб, тоже нашли отклик, и больше половины из них обзавелись «оселедцами». Я не стал уточнять, что подобная прическа не была придумана запорожцами, а практиковалась еще варягами, – такие исторические нюансы могли только запутать. Все бы ничего, но Курат, который, кстати, головы так пока и не

побрил, объявил профессору, что чуб еще заслужить надо, а также поставил условие – либо тот начинает тренироваться с другими казаками, либо сбивает незаслуженную «растительность». Вот теперь профессор и мучается. Спрашивается, зачем? Ответ прост и тривиален – ищите женщину. Ну, нравился дородной Никоре Руг-Урген в образе запорожского казака!

Воспоминания вызвали у меня улыбку, которую я постарался спрятать, – ведь обижать профессора совсем не хотелось. За все время моего пребывания в этом мире ученый относился ко мне с пониманием, а в последние месяцы стал едва ли не единственным другом.

Свет привезенных из империи спиртовых ламп освещал большой стол посреди кухни, скрывая в тени кухонные плиты, разделочные столы и развешенную по стоякам посуду. Все это в сочетании с изобилием на столе и открытыми человеческими лицами создавало уютную атмосферу. Именно из-за нее я отказался от баронского способа вкушать пищу – то есть либо в одиночку, либо в кругу семьи, которой у меня пока не было.

Профессор Руг сел за господский стол спокойно, Курат не стеснялся по причине своего простого воспитания, а вот Никора поначалу отказывалась, но после того как я уточнил, что управительница хозяйства в четыре сотни человеческих душ – должность более чем важная, она все же согласилась. Повариху и девочек-прислужниц к общему застолью приоб-

щить не удалось. И я решил не переводить все в приказную форму, немного напуганный грозным доводом управительницы: «Неча немытым рылом портить господину аппетит!»

После сытного ужина и небольшого объема разных хозяйственных дел меня ждала небольшая, зато чистая и уютная спальенка. Охота на свежем воздухе и хлопотный день вымотали полностью, и я начал засыпать еще за столом, но с путешествием в царство Морфея пришлось повременить. Дверь тихонько скрипнула, и в темную спальню скользнула Уфила.

Наш роман случился внезапно и довольно необычно, особенно странным было его начало – Никора заметила мой интерес к прибывшей с беженцами девушке, и следующим же вечером я обнаружил Уфилу в своей постели. Сначала хотел закатить скандал и этой «дурехе», и возомнившей себя бордель-мадам управительнице, но в результате выслушал короткую лекцию от Никоры:

– Вы, господин, простите, конечно, такой же дурень, как и все мужики. Хотя вам-то, молодому, простительно. Ну, нравится девка, так берите и милуйтесь, а то ходит, понимаешь, и только косится.

– А если она не хочет?

– А вы спрашивали?

– Нет.

– Во-от, – многозначительно подняв палец, протянула притворно нахмурившаяся управительница. – А я не поленилась и спросила. Нравится. Так чего ж хороводы водить.

Живите вместе, может, даже ребеночка родите. И вам хорошо, и ей польза будет. А надумаете жениться – так баронесса, коли не дура, только радоваться станет. Так, хватит мне тут голову морочить, идите, а то девка вся небось извелась от страха.

Ну и что ты с этим будешь делать? Не то чтобы я был против, вынужденный целибат утомил до крайности, но все равно как-то непривычно.

Утром меня разбудили деревянный стук за окном и резкие выкрики. Уфилы рядом уже не было. Не знаю, по своей воле или же в соответствии со строгими указаниями Никоры, девушка старалась не обременять меня своим обществом. Если признаться, не могу сказать – радовало меня это или расстраивало. Особой любви я к ней не испытывал, но иногда хотелось чуть больше нежности. Но это все потом, когда придет весна, запоют птички и всякое такое, а пока нужно работать и заниматься.

Так уж сложилось, что и моя собственная душа, и тело Герда Марана были убежденными совами. Поэтому все поползновения Курата по вытаскиванию моей тушки на тренировки ни свет ни заря натыкались на барское и категоричное «нет». Так что, вы думаете, сделал этот гад? Он просто перенес место утренних занятий казаков под окна моей спальни. И теперь вопли тренирующихся казаков вырывали меня из сна не хуже будильника.

Дернув за веревочку, которая вторым концом крепилась

к колокольчику в кухне, я вызвал служанок – каюсь, появились у меня барские замашки. Явились обе: и вечно смущающаяся Уфила, и хохотушка Дирата. Зная мои привычки, девушки притащили с собой по ведерку теплой воды. Сотворить здесь нормальный душ так и не удалось, получилось лишь его жалкое подобие. В маленькой комнатухе рядом со спальней на высокой деревянной раме была закреплена кадка на два ведра. В днище кадки торчало медное подобие насадки для душа. Наверх этой конструкции вела удобная лесенка, на которую и забралась более шустрая Дирата.

После моей команды девушка вылила в кадку подаваемые подругой ведра. Вот так я и мылся по утрам. Весь процесс проходил за занавеской, и я в очередной раз улыбнулся, слушая приглушенную шумом воды возню: Дирата, как всегда, рвалась потереть господину барону спинку, а моя Уфила всеми силами противодействовала этому верноподданническому порыву.

Рыжую Дирату мне уже приходилось выгонять из спальни, застав под собственным одеялом, но наших отношений это не испортило – девушка обладала на редкость легким и незлобивым характером.

Одевшись для зимней тренировки, я заглянул в небольшое, но очень дорогое зеркало и увидел в нем уже ставшее родным лицо. Ничего особенного – довольно правильные черты, слегка курносый нос, но только слегка, успевшая чуть загореть кожа и серые глаза, которые мне чем-то напоминали

глаза теперь уже императрицы Лары. Вот такое вот совпадение. Все это венчала шевелюра темно-русых волос, которую после каждого расчесывания я грозился превратить в оселедец или вообще лысину, но местное население меня явно не поймет – статус не тот.

Что ж, приятная часть утра закончилась, и начались суровые будни. Новая площадка для занятий – или, как ее воспринимали мы с Ругом, «пыточная» – не изобиловала никакими особыми приспособлениями. Не было ни сложных и опасных тренажеров, ни поворотных столбов, ни турников, отсутствовали даже простые мешки с песком. Самый опасный тренажер из всех возможных стоял посреди вытоптанного в снегу круга – выше пояса коренастый Выров был одет лишь в просторную рубаху, а в руках сжимал палку в виде сабли. Ему было тридцать лет, но сеточка тонких шрамов и на теле, и на лице добавляла лет десять, так же как и нехороший блеск в карих глазах. К моему внутреннему удовлетворению, на голове Вырова посреди свежесбритой макушки красовался пока еще короткий чуб. В данный момент казак объяснял Ругу, как сильно тот ошибся, взяв в руки оружие.

Профессор был одет в усиленную металлическими пластинами фуфайку и похожий на перевернутый казанок шлем, по которому инструктор стучал, как по бубну. Попытки Руга помешать этому концерту выглядели жалко. Хотя следует признать, успехи ученого задохлика в фехтовании были уже заметны. Так что подобные издевательства все же

имели смысл.

Вместе со мной за «избиением» наблюдала все казачья ватага – пятнадцать бывших воинов-пастухов и десять юношей, отобранных в казаки из переселенцев.

– Все, Выров, хватит дубасить Руга, вон пришла еще одна жертва, простите, господин, – тут же поправился Курат.

Выров шагнул назад и стремительным движением на пятках развернулся ко мне.

Силен зверь – казак двигался, как матерая рысь.

С низкими температурами я дружил не так близко, как этот «отморозок», поэтому не рискнул выйти на тренировку в одной рубахе. На мне был надет вязаный свитер с кожаными накладками на локтях. Кстати, все в поселении признавали удобство подобной одежды, многие женщины умели сносно вязать, но ни один мужчина не надевал ничего, в чем было бы больше десятка узелков. Выяснить подробностей подобных суеверий я не стал, а к моим чудачествам все уже успели привыкнуть.

Казак поднял кончик «шашки» на уровень лица и приготовился к схватке. Стоит сказать, что это оружие для моих бойцов было в новинку – в хтарской степи использовались похожие на палаши прямые мечи. Я же по пути в новые владения заказал в последнем крупном городе империи три десятка клинков из хорошего металла, похожих на казачьи шашки. Точнее, это оружие было ближе к драгунским шашкам – метровой длины, с защитной дугой и маленькой гар-

дой. Для себя я тоже заказал клинки, которые вызвали еще большее недоумение кузнеца.

Заказ прибыл практически одновременно с переселенцами, и сейчас четверть сотни бойцов всюду тренировались с новым оружием. Было тяжело, и поначалу я даже пожалел о слишком революционной идее, но все же убедил себя, что земные степняки дураками не были, а донские казаки и по-прежнему. Бывшие «ковбои», переквалифицировавшиеся в казаков, подтвердили свою высокую квалификацию – показательная рубка на боевых шашках между Куратом и Выровом вызывала мороз по коже даже у меня.

Выров шагнул ко мне, и я тут же, стряхнув задумчивость, поднял свои имитаторы клинков. В правой руке у меня была палка длиной на пятую часть короче клинка в руках казака, а в левой чуть толще и на четверть меньше той же шашки. Сам не знаю почему, но неудобство тренировок с дарийскими «братьями» подталкивало именно к такой конфигурации. Стандартная стойка дари – низкое положение, когда левая рука держит «младшего брата» прямым хватом, а правая согнута в локте и сжимает «старшего брата» обратным хватом у лица, – мне не очень нравилась. И все же я добавил в привычный стиль боя местных воинов элементы боевой системы дарийских мечников.

Настоящие схватки всегда скоротечны – рывок навстречу друг другу и тут же разрыв дистанции, но за это время и я, и казак сумели провести по десятку ударов – как удачных, так

и не очень. Выров получил одно касание по правому предплечью, а я три синяка, причем один на спине, если говорить очень приблизительно и корректно.

Считал ли казак меня опасным противником? Возможно. Особенно его настораживала моя двурукость. И все же при всем этом я понимал, что до бойца, держащего клинок с детства, мне как до морских саванн на карачках. Что бы ни писали в своих творениях создатели фантастических реальностей, стать настоящим мастером боя невозможно ни за год, ни за пять, будь ты хоть семи пядей во лбу и обвешайся артефактами с ног до головы. Хотя вру – всегда ведь есть возможность применения суперпуперзаклинания. Но мне эта «лафа» не светила.

В моем «багаже» знаний имелись воспоминания о навыках очень опытных людей: уличного бойца, пирата, охотника дари и даже воюющего с детства генерала. Думаете, это хоть как-то повлияло на нынешние боевые способности? Ничуть!

Конечно, обрывки чужих воспоминаний о разных боевых связках давали некоторые плюсы, но, чтобы ими воспользоваться в бою, нужно все это вколачивать в рефлексы с потом и кровью, а мне, увы, мешали и занятость, и элементарная лень.

Вот и в этот день я пару колоколов, которыми здесь отмеряли приблизительно часовые отрезки времени, попрыгал по снегу с казаками, а затем быстро слинял по «очень важным» баронским делам.

Дела на сегодня, конечно, были, но не такие уж важные – прежде всего встретить возвращавшихся из учебного рейда «драгун». Это название я тоже перенес из земной жизни и при этом ничуть не погрешил против истины. Когда встал вопрос, как будут воевать лесные лучники с длинными луками против степных всадников, нагромождение казалось бы ненужных земных знаний выдало слово «драгуны», причем вместе с именем изобретателя этого рода войск. Недолго думая я решил «спионерить» идею маршала Бриссака и научить лесовиков ездить на лошадях. Конечно, превзойти казаков в джигитовке им не удастся даже до глубокой старости, за исключением пары самородков, но этого и не требовалось. Мои драгуны будут драться в стиле первоначальной задумки французского генерала, а не так, как позже сложилось в земной истории, – то есть передвигаться верхом, а воевать в пешем строю.

Пронзительный свист донесся с возведенной на крыше одного из барачков смотровой вышки сразу после обеда. Черныш к этому времени был готов, и мне оставалось лишь бежать вниз со второго этажа и запрыгнуть на выведенного одним из мальчишек скакуна.

На выезде из поселка Черныш обогнал орущую гурьбу малышей, которые, увидев стремительно скачущего по снегу коня, завизжали еще громче. Яркое солнце, чистый снег, чуть щиплющий щеки мороз и возвращение отцов из двухдневного похода – что может быть лучше для маленького че-

ловечка?

Сотник Мороф ехал впереди на самой рослой лошади из той полусотни, что удалось сохранить из всего табуна. Вспоминать было неприятно, но определенная польза все же была – в строю остались только лучшие из лучших. Драгуны немного отстали от своего начальника, и на это были уважительные причины. Ведь в распоряжении сотни было лишь тридцать пять лошадей. Острая нехватка верхового транспорта принесла еще одну пользу, теперь уже стратегическую – ведь в походе неизбежна потеря лошадей, и может случиться так, что восполнить ее не получится. Поэтому вместе с Куратом и Морофом мы разработали разные вариации движения драгун по степи. Сейчас отрабатывался один из самых неблагоприятных вариантов – одна лошадь на троих. В седле восседал лишь один боец, за его спиной находились три колчана со стрелами и небольшие тюки поклажи. А рядом, уцепившись за седельные ремни, бежали еще два драгуна. Время от времени по команде десятников драгуны, практически не останавливая хода колонны, менялись местами.

Такое вот ноу-хау, и только жизнь покажет, насколько мы с моими советниками были правы.

Оставив колонну за спиной, Мороф подскочил ко мне и лихо остановил свою низкорослую степную лошадку. Фигуры коня и всадника по отдельности выглядели неказисто, а вот вместе смотрелись гармонично – эдакая уменьшенная

модель Ильи Муромца и его скакуна.

Издалека некрупный Мороф не выделялся ничем особым, но вблизи становилось понятно, что этот человек – довольно незаурядная личность. В черных как смоль глазах чем-то похожего на цыгана человека сверкал задор, который в любой момент мог превратиться в бешеную злобу и жестокость.

История Морофа достойна отдельного романа. Он был чистой воды разбойником и убийцей, с детства ведущим жизнь грабителя на дорогах. Какие мрачные тайны скрывались в темных дебрях его прошлого, мне неведомо, и, честно говоря, как только возникало желание узнать подробности, благоразумие тут же загоняло любопытство увесистыми пинками куда-то в глубь мозга. В характере этого человека меня интересовали лишь две вещи – он был патологически честен и маниакально жесток к врагам своей семьи. Я не то чтобы относил себя к его родственникам, но право на некую долю верности все же имел.

Хотите верьте, хотите нет, но жизнь разбойника поломала маленькая и невзрачная, как мышка, женщина. Что именно случилось, достоверно не знает никто. Однажды банда Морофа напала на один из тайных лагерей маркиза Савата Кардея, но в этот раз налет закончился неожиданно – Мороф узнал в приготовленной к насилию женщине свою юношескую любовь. Половина бывших подельников легла прямо там, а другая половина вместе с атаманом влилась в ряды «идейных борцов». Сказка, граничащая с абсурдом, но когда

в жизнь человека вмешивается болезнь под названием «любовь», возможно и такое.

Конечно, терпеть под боком убийцу и разбойника никто не захотел, и маркиз отправил этот «подарочек» мне.

Я взял его и сказал спасибо: Мороф оказался прирожденным тактиком и быстро прошел путь от должности рядового лучника до сотника. Именно с ним мы дорабатывали тактику драгун и всю систему ведения стрельбы на дальние дистанции.

– Барон, сотня вернулась с учебного похода. Погибших нет, пара легких обморожений, – как всегда, коротко отпартовал сотник. Он, как и Охто, обращался к своему господину нестандартно, и если обращение на «вы» имело место, то «вашей милости» или «господина» от него не дождешься. Хорошо, хоть снисходил до «барона», и то в его устах это слово звучало как бандитская кличка.

– Хорошо, сотник. Веди бойцов в тепло.

– Чуть позже, барон. Пусть немного постреляют.

– Смотри не поморозь людей.

– Они что, неженки? – Взгляд Морофа блеснул злобой, но, к счастью, не ко мне, а к кому-то из подчиненных. Похоже, ребята немного разочаровали командира, и это им точно вылезет боком. В «репрессии» бывшего разбойника я не лез, потому что не видел другого способа подготовить к весне из рыхлой толпы партизан боевую сотню.

– Тебе виднее, Мороф, вмешиваться в процесс не стану, –

сказал я в ответ на настороженный взгляд сотника. – Но за каждого бойца, который превратится в бесполезного калеку, будешь отвечать лично.

– Я отвечаю за каждое свое движение с пяти лет, барон, поэтому знаю, что делаю, – парировал сотник, и его слова прозвучали совсем уж «по-блатному».

Драгуны как раз догнали своего командира, и я съехал с дороги в глубокий снег, освобождая место для маневра.

– Сотня, стой!!! – хрипло заорал сотник, и драгуны, особенно те, кто бежал рядом с лошадьми, облегченно остановились.

– Стройся!!! – продолжал надрываться Мороф, и я подумал, что стоит «изобрести рупор».

Один из каждой десятки драгун быстро снял с седла длинный канат и, проезжая мимо лошадей, начал ловко зацеплять распределенные по канату крючки за уздечки скакунов своих товарищей. Получились стройные вереницы из десяти скакунов. В это время основная масса драгун отбежала от дороги, выстраиваясь в три жидкие шеренги. С собой они несли закрепленные на спине луки и снятые с лошадей колчаны.

Двадцать ударов сердца – и девяносто драгун были готовы сделать первый залп.

– Готовься! Синий шест! Два пальца право! Подъем три! – по-прежнему надрывался Мороф. Только он один мог так лихо рассчитывать расстояние и скорость ветра. Конечно, в

отряде были достойные ученики, но до сотника им пока было далеко. Скрипнули сочленения длинных луков, и едва слышно зазвенели струны натянутой тетивы. – Дай!

Я в который раз внутренне улыбнулся, потому что команда к выстрелу у местных звучала так же, как команда запуска тарелочной мишени в стендовой стрельбе из охотничьих ружей.

Удар по кожаным накладкам, басовитый гул тетивы на луках – и в небо с тихим шорохом ушло целое облако из стрел.

– Готовься! – больше для порядка скомандовал сотник, потому что стрелки уже потянулись за следующей стрелой.

Драгуны дали еще четыре залпа, а затем побежали к торчащему вдалеке синему шесту смотреть, кто куда попал. Определить принадлежность снарядов при использовании стандартной стрелы удавалось благодаря римским цифрам – пожалуй, единственным известным мне письменным знакам, которые легко наносить на такую неудобную поверхность, как древко стрелы.

Мороф остался на месте. Он свое дело сделал – выбрал поправку на ветер и дальность. Этот способ был разработан сотником с моей подачи, но в основном самостоятельно. Боковую поправку отмеряли по количеству условных толщин пальца в сторону от видимой цели, а дальность корректировали углом расположения лука, который определили по небольшому грузику на короткой веревочке. Чем больше угол, тем дальше грузик отклоняется от древка лука. Вкупе

с относительно стандартными луками и стрелами, а также с натренированным усилием, приложенным для натягивания лука, это давало приличную точность попадания при отвесной стрельбе. Разброс составлял где-то метров двадцать, за небольшим исключением у особо криворуких.

Подобрав стрелы, бойцы побежали обратно. О том, что будет с «криворукими», чья стрела воткнулась в снег слишком далеко от шеста, мне даже думать не хотелось.

Сегодняшнее представление имело не показательный характер, а практический – ведь именно после долгого марша бойцам придется стрелять по противнику, и никто не даст им времени, чтобы отдышаться.

Не говоря ни слова, Мороф собрал своих подчиненных и направился к видневшимся на снежной равнине серым квадратикам зданий.

Дальше их ждала восторженная встреча детворы и радость женской половины населения, точнее, большей ее части. Вечером состоится праздник и легкая попойка. В условиях крайней стесненности это было очень важно. Многих напрягало раздельное проживание мужчин и женщин. Не спасал даже плотный график использования двух сеновалов, которые пылкие влюбленные уже расшатали вконец. А праздники давали небольшие отдушины для эмоций. Все основные события в жизни этих людей произойдут весной – как хорошие, так и плохие, – пока же продолжалась зима с ее монотонностью и монохромностью.

События, хоть и не такие уж масштабные, начались немного раньше, чем ожидалось, – в день, когда отбушевала последняя в этом году метель.

Вечером перед самой метелью у меня возник скандал с Никорой.

– Пусть простит меня ваша милость, но это непотребство какое-то. – Перед самым ужином управительница встретила меня у крыльца дома.

– Что стряслось, Никора? – Если она надеялась подобным образом испортить мне аппетит, то сильно ошибалась. Мороз и физический труд – непробиваемые аперитивы.

– Сколько можно кормить эту зверюгу? Скоро дети будут голодать, а эта тварь уже сожрала целого быка.

– У нас так плохо с запасами? – спросил я с недоверчивым прищуром, потому что был прекрасно осведомлен, сколько съел волк.

– Да, скоро мяса совсем не останется.

– Никора, у нас все ледники завалены кониной.

– Так вот и кормите ею своего зверя, а не людей!

В принципе я ее понимал – переселившиеся в степь лесовики привыкли употреблять в пищу телятину и свинину, в крайнем случае баранину, лошадь для них вообще являлась исключительно транспортом и чаще всего умирала своей смертью.

– Никора, о конине мы уже говорили, и этот разговор будет последним, – нахмурился я. Управительница была пре-

красной хозяйкой, но иногда ее заносило, так что приходилось опускать дородную даму с небес на грешную землю. – Хтары едят конину, и никто от этого не умер. Голода у нас нет и не будет. Пусть завтра же мне на стол подадут блюда из замороженного мяса. Если поварихи не знают, как готовить конину, пусть посоветуются с Охто. Свежим мясом кормить только детей. А вот чем из МОИХ запасов кормить МОЕГО зверя, я буду решать сам.

Этот разговор на повышенных тонах закончился тем же, чем и всегда, – поговорили и мирно разошлись. Не знаю, что стало причиной – упреки управительницы, мои заявления или же просто какие-то неведомые людям звериные мотивы, – но утром, когда отбушевала последняя метель, деревянная клетка на сеновале опустела, а старый хтар заперся у себя в конюшне и перестал разговаривать и со мной, и с Никорой.

Глава 2

Пограничник

Через неделю после метели степь практически избавилась от снежного плена и начала оживать. Зимнее безмолвие сменилось многоголосым оркестром природы, который пока еще только разыгрывался в ожидании появления основных солистов – птиц и степных цикад. В жизни нашего городка начинался весенний марафон, в котором призом была не серебряная салатница, а жизнь сотен людей.

К весеннему шуму природы в аккомпанементе оживившихся людей я уже начал привыкать, но звук, раздавшийся однажды рано утром, заставил меня буквально подскочить на кровати и, схватив оба клинка, рвануть к двери в чем мать родила. Уже на подходе я осознал, что вопит Уфила, поэтому едва не вырвал дверь с петлями.

Представшая предо мной картина сначала заставила замереть, а затем пришлось сдерживаться, чтобы не заржать.

В коридоре стояла моя милая подруга и визжала как резаная. А причина ее визга лежала у порога в спальню. Волк смотрел на девушку с выражением на морде, которое можно было озвучить как: «Чего орешь, дура?»

– Уфила! – крикнул я, но вместо девушки отреагировал волк. Он лениво встал и с видом исполненного долга убежал

к ведущей на первый этаж лестнице.

– Уфила! – Я потрянул девушку за плечи, чтобы она замолчала, но ее глаза по-прежнему ничего не выражали. Пришлось применить персональное лекарство от подвисания женского мозга.

Крепкий поцелуй, как всегда, заставил Уфилу залиться краской, особенно оттого что я был голым, а в коридор уже ворвался профессор Руг, размахивая оселедцем и усами. Из-за его плеча выглядывала Никора.

У моей девушки стыд всегда был самой сильной эмоцией, так что она быстро пришла в себя, а затем, покраснев еще больше от довольной улыбки профессора, убежала вслед за волком, и этот факт ее совершенно не волновал.

– Что здесь происходит? – спросил как всегда любопытный Руг, но ответа не получил. Впрочем, профессор не успокоился и, дождавшись, пока я оденусь, поплелся следом за мной в «царство» старого хтара.

Оба «красавца» находились на месте – в помещении наполовину опустевшего сеновала, примыкающего к конюшням.

– Охто, и как это понимать?

– Все хорошо, хозяин решил дружить, – вновь на грани понимания высказался весь собравшийся в веселых морщинах старик. Он действительно был счастлив.

– Так, Охто, давай решим раз и навсегда. Либо он «хозяин», а я «ваша милость барон», либо я хозяин, а он «волк».

– Хорошо, хозяин, – кивнул хтар, с умилением наблюдая,

как волк поглощает кусок свежего мяса килограммов на пять веса.

Да уж действительно волчара жрет изрядно.

– Так, кого ты назвал хозяином?

– Тебя, хозяин.

– Фух, разобрались, – с искренним облегчением выдохнул я и вернулся к первому вопросу. – Объясни, что он делал у моей спальни?

– Не знаю. Может, хранил, – пожал плечами хтар. – Он приходил вечером, но мяса не взял. Взял утром.

– Как думаешь, почему он вернулся?

– Легкое плохо дышит, хозяин. В степи за добычей нужно долго бегать. Только быстрые ноги накормят сильного.

– А небыстрой добычи в степи нет?

– Хозяин не будет есть крыс... – начал было хтар, но, увидев, как мои брови поплыли навстречу друг другу, поправился: – Волк не будет есть крыс.

– Чудно, – хмыкнул я и посмотрел на волка, который уже заканчивал трапезу.

Похоже, хтар прав – волчара был истощен до последней крайности, но при этом поедал пищу с достоинством короля. В его поведении прослеживался смысл и последовательность действий: ночью служба – утром мясо, если перефразировать Бабея.

И откуда же ты взялся такой умный?

– Ваня, – тихо, словно услышав мои мысли, прошептал

Руг, – я, кажется, знаю, кто перед нами.

Это, конечно, было нарушением конспирации и могло вылезти нам боком, но слишком уж тяжело носить чужие имена и просто необходимо, чтобы время от времени кто-то называл тебя так, как в детстве называла мама.

– Ну и кто?

– Это вордорак, – односложно выдохнул Руг-Урген.

– Проф, ты уверен, что это слово объяснило мне абсолютно все?

– В текстах Хорама Странника упоминались «ловчие звери зрителей», которых сотворили из волков, дав им разум.

– Ну не знаю. Зверь, конечно, очень умный, но интеллектом не давит.

Теоретически все, что говорил Руг, было очень интересно, но только теоретически. То, что писали местные «историки-фантасты» типа Хорама Странника со товарищи, на поверку могло оказаться великой истиной о демоническом прошлом этого мира, а могло быть простым бредом шизофреников. Хотя не мне, человеку, чью душу в этот мир затянул один из артефактов, а затем прыгавшему по телам разных людей, как неуравновешенный игрок в компьютерные игры, говорить об адекватном восприятии реальности. Сам такой.

Впрочем, теория – это хорошо, но с этим всем нужно было что-то делать. Поэтому я подошел к волку и присел перед

ним на корточках. В таком положении наши глаза оказались на одном уровне.

Ох и здоровая же зверюга!

– Так, хозяин степей, раз уж ты решился прибиться к нашему табору, то должен понимать, что жрать здесь кого ни попадя я не позволю. – Выражение на морде волка не поменялось, но что-то мне подсказывало, что он меня понимает. – Поэтому, если я скажу «нельзя», это значит, что ты быстро успокаиваешься и прячешь зубы. Понятно?

Может, это случайность, но волк неожиданно моргнул.

– Он моргнул! – едва не напугал меня своим воплем профессор.

Волк посмотрел на замаскировавшегося под казака ученого, как давеча на вопящую Уфилиу.

– Может, ты еще и говорить умеешь? – недоверчиво спросил я, уже не зная, чего ожидать от этого мира. К счастью, волк не заговорил, но опять-таки в его глазах почудилась искорка иронии. – Так, теперь мне нужно тебя как-то называть. Извини, но должность хозяина уже занята. Раз ты хозяин степи, то будешь Ханом. Надеюсь, тебя это прозвище не обидит?

Волк в ответ лишь лениво зевнул, всем своим видом показывая, что аудиенция затянулась и ему пора спать после ночной смены.

Уже выходя из сенника, я стал свидетелем интересной сцены.

– Хан, – раздался голос профессора, проверяющего, принял ли зверь кличку.

Волк поднял голову и резко показал зубы во внушительном оскале. Глухое рычание и нехороший блеск в глазах ясно показывали, что в иерархии новой стаи место профессора намного ниже волчьего.

– Руг, не цепляйся к нему. Это очень опасный объект для исследования.

Волк мне понравился, так же как начинавшийся день, наполненный хоть и тревожными, но энергичными хлопотами.

Бывшая баронская усадьба походила на муравейник. От зимнего сна не осталось даже следа, и если в низинах степи и в редких рощах еще белел снег, а на холмах сквозь прошлогоднюю траву проклевывались робкие стрелки молодой, то вокруг городка чернела потревоженная вспашкой земля.

Я заскочил в дом, чтобы надеть комбинезон, подхватил лопату, а затем, добравшись до места работ, буквально на пятой точке съехал в ров. Во рву было грязно, сыро и... очень весело.

Работать вместе всегда хорошо, особенно если нет негатива сачкующего элемента. Как ни парадоксально, советские времена научили людей не только самоотверженно работать на стройках века, но и поселили в душах желание сачкануть под шумок общего праздника труда. Там, где все уравнивается, нет желания высовываться и надрывать жилы. Не скажу, что пришедший на смену капитализм сделал людей тру-

долюбивее, но он принес с собой единственное лекарство от заявлений: «Не делай сегодня то, что завтра за тебя могут сделать другие». Мотивация в виде сдельной и персональной оплаты все расставила по своим местам.

В этом мире никто не слышал о социализме, капитализме и других извращениях. Здесь был еще памятен общинный строй, поэтому никто не отлынивал, все работали так энергично, что даже барону было трудно оставаться в стороне.

Практически стандартная лопата земного типа вонзилась во влажную землю, выковыривая изрядный ком грунта. Благодаря продукции штамповочного молота земляные работы велись очень продуктивно. Мы с еще двумя мужиками быстро наполнили землей большой короб. Один из моих «напарников» – средних лет лесовик с похожей на ту же лопату бородой – залиристо свистнул, и привязанные к углам короба канаты натянулись. На ежедневно растущем земляном валу, растопырив ноги, стояла конструкция типа «примитивный кран». На конце длинного плеча рычага была оборудована корзина, в которую с радостным смехом полезла малышня. Дюжина десяти-пятнадцатикилограммовых человечков перевесила короб с землей, а работники развернули за канаты всю конструкцию вдоль вала. Пара ударов молотка – и дверки внизу короба раскрылись, освобождая весь массив поднятого грунта.

Поработав пару часов лопатой, я выбрался со дна рва и тут же наткнулся на еще одно из своих «ноу-хау», перене-

сенных с Земли в новый мир: упряжка лошадей резво тянула за собой «каток», набранный из одинаковых обтесанных каменных блинов, как детская пирамидка.

Решил, что пора и честь знать, поэтому, взобравшись на вал, постарался окинуть взглядом и воображением всю картину строительства. Пользуясь опытом имперских легионов, на нашем мини-совете была выдвинута идея по строительству укрепления городка в виде восьмиугольника с восемью же вышками-башнями по углам. Легионерские лагеря имели шесть углов, но не в этом суть. Задуманное было осуществлено пока процентов на сорок, но уже выделялась будущая форма. Пока периметр получился небольшим и охватывал лишь восемь основных барачков. В городке стало еще теснее, к тому же все было измазано разводами чернозема и глины, но осознание того факта, что все это временно, не давало людям унывать. В тесноте, да не в обиде, особенно учитывая то, что обидеть нас есть кому.

В дальнейшем я планировал построить поселок на сотню больших дворов, которые сами по себе будут маленькими крепостями, и обнести все это таким же валом, а почти достроенное укрепление станет основой для «детинца» с донжоном посередине.

Выходящий к реке угол осталось оборудовать кольями – и получится преграда с трехметровым рвом и двухметровым валом, по верху которого проходит парапет чуть выше пояса из наполненных грунтом корзин. В остальных углах пери-

метра все шло не так хорошо, и мне оставалось лишь надеяться, что к приходу хтаров мы успеем обезопасить свой тыл.

Несмотря на поговорку «Хочешь рассмешить Бога – расскажи ему о своих планах», – мы все же успели. Буквально через сутки после того, как с вала были сняты последние землекопы и переведены на поля, угольные шахтеры начали собираться обратно на карьер, а плотники всю занимались установкой навесов, прискакал конопатый и безумно рыжий парнишка, я даже умудрился запомнить его имя.

Еще зимой среди молодежи были отобраны два десятка пацанов от тринадцати до пятнадцати лет от роду, которые впоследствии должны были стать казаками, а сейчас на них была возложена роль дальнего дозора. Легкий подросток без амуниции и оружия на отдохнувшем коне обгонит любого степняка, так что именно они лучше всего подходили для этого дела.

Рыжий Лакор был неформальным предводителем этих «пионеров», так что неудивительно, что именно он принес важную весть. Для патрулирования новики разбивались на пары и по три звена в смену катались по степи за рекой. Натаскивал их сам Охто, в основном обучая искусству смотреть и вовремя убегать. Иногда с дозором уходил и Хан. Это случалось редко, но когда волк сопровождал «пионеров», за них можно было не переживать.

Тревожный и дробный стук копыт я услышал из своего кабинета. Короткий взгляд в застекленное дорогушим стек-

лом окно показал, что дело срочное. Лакор был похож на испуганную канарейку – рыжая шевелюра стояла столбом, а ставшие огромными зеленые глаза мне было видно даже со второго этажа.

Мы столкнулись на лестнице, и, зная привычку детворы вываливать на собеседника сразу весь ворох всяческой информации, я жестом остановил рвущийся из парня словесный поток.

– Стоп. Только самое важное, в двух словах.

Лакор на минутку «завис», восприняв мой приказ буквально, затем прищурился и осторожно сказал:

– Хтары идут. – Сообщение в его устах имело оттенок вопроса.

– Так, теперь подробнее.

– Мы с Хриром хотели посмотреть норы сусликов, а потом подняться на второй...

– Не так подробно, – немного скорректировал я доклад. – Вы увидели хтаров. Где и сколько?

– Шестой холм, – четко заявил юный дозорный, но затем смутился. – Больше сотни точно.

– Молодец, – поддержал я стушевавшегося докладчика и порадовался, что еще зимой пронумеровал все холмы со стороны степи и немного подучил местную детвору. Про письмо говорить пока не приходилось, а вот считать они научились. Правда, до сотен пока не дошли, так что Лакор просто сравнил родную сотню драгун с увиденной в степи конницей

хтаров.

Что было довольно грамотно и находчиво.

– За рекой остался кто-то из наших?

– Нет, – ответил мальчик, и тут же его слова подтвердил топот лошадей отставших дозорных.

– Так, Лакор, беги на главную вышку, пусть бьют тревогу.

Несмотря на то что рыжий парень был быстроногим, как степная косуля, похожий на огромное погнутое блюдо гонг возвестил о тревоге лишь через десять минут, когда перед крыльцом моего дома уже собралась вся военная верхушка поселка.

– Курат, седлайте коней и надевайте всю амуницию. Морроф, разводи людей по точкам. Все остальное – как оговорили раньше, на вал амазонок и снайперов. Никора, всех «небоевых» – в третий барак, и сразу займись водой.

Первым делом я «упаковался» в свою броню – бог весть что, одежда скорее оруженосца, чем рыцаря. Хотя у меня вполне хватало денег на нормальные латы, я здраво рассудил, что в степи полный доспех не понадобится. Поэтому у оружейника, помимо долгосрочного заказа на шашки для казаков, оплатил снаряжение оруженосца с некоторыми доработками, которые он сделал в течение суток.

Так, снаряжение на месте – клинки в ножнах по бокам, а кинжал по легионерской традиции горизонтально за спиной. Теперь осталось взять колчан с кавалерийским луком и часы.

Да, именно часы – их у меня было двое. В этом мире хоть

и делали сносные компасы и даже подзорные трубы, но до тонкой механики пока не доросли, а вот с теорией у них было все в порядке. Большие водяные часы стояли в нише моего кабинета. Две стеклянные колбы на литр каждая, к тому же с часовыми пометками, были помещены в удобную раму. А вот маленькие, граммов на сто, имели кожаную оплетку и как раз подходили для походных условий. Большие часы я постоянно забывал переворачивать и даже успел пожалеть, что потратил на них деньги. А вот маленькие все же дождались своего момента.

Еще раз осмотревшись в кабинете, я выскочил в коридор.

Хтаров мы ждали, поэтому паники не было. Никора тут же повела стариков, детей и совсем уж слабых или эмоциональных женщин в третий барак, который изначально строили как своеобразный бункер – полуземлянка с толстыми стенами и наружными лестницами на бревенчатую крышу для поливки ее водой. В этом бараке жили мужики, так что особыми удобствами он не обладал, зато был более чем надежным укрытием.

Основная масса драгун, вместо того чтобы встать на стенах, расположилась между бараками, а на вал полезли самые меткие стрелки, которых я по старой памяти назвал снайперами, также на вал отправились «амазонки». О значении этого слова местные красавицы не догадывались, но оно им понравилось. Главной среди девушек и женщин, умеющих сносно пользоваться луком, была шустрая, но неожиданно

посерьезневшая перед боем Дирата. А вот лучшим стрелком, как ни странно, оказалась моя Уфила.

Я встал возле «амазонок», по пути проведя рукой по округлой попе Уфилы, четко вырисовывающейся под длинной юбкой. Расчет, как всегда, оказался верным – краска залила лицо девушки, напрочь сгоняя бледность и маску страха.

В принципе всполошились мы рано, но оборона – это не атака, и здесь кураж как раз вреден, а успокоиться перед боем очень даже не помешает.

Люди сначала молчали, напряженно вглядываясь в степь через реку, но шестой холм находился в пяти километрах отсюда, так что через пару минут люди расслабились. Кто-то облокотился на парапет из больших плетеных корзин, кто-то вышел из тени односкатного навеса, который в бою должен защищать обороняющихся от стрел, а сейчас только закрывал теплое весеннее солнышко.

Напряжение вернулось минут через пятнадцать, когда среди пологих «волн» степного моря появились всадники. Женщины загомонили и едва не бросились к обращенной в сторону степи стене – ведь мы ждали прихода степняков вдоль реки, поэтому смотреть в степь за рекой с нашей позиции было неудобно.

– Всем стоять на месте! – немного визгливо, но настолько решительно крикнула Дирата, что вытянулись в струнку даже драгуны. Всегда смешливая и своевольная девушка как-

то вдруг превратилась в командира. Отосланный на стену с десятком молодых драгун пожилой лучник только одобрительно хмыкнул.

Сборная солянка стрелков тут же успокоилась, и каждый вернулся на свое место. Отряд выглядел, конечно, колоритно – пятьдесят три бабы разного возраста и десять молодых драгун. По другим стенам были распределены еще двенадцать «амазонок». Внизу за периметром своего часа ждало девяносто бойцов. Итого получалось, что из почти четырех сотен жителей городка половина была боеспособной, а это очень и очень неплохо.

Покосившись в сторону пристроенных на стеночке водяных часов, я увидел, что «накапало» двадцать пять минут.

Так, до переправы им добираться еще минут десять, потом переправа и десять минут до городка – итого где-то с полчаса.

Так что дозоры нам дали фору в час как минимум. Неплохо.

Хтары явились под стены словно по заказу – как раз когда вода в часовой колбе перетекла на девяносто процентов. Кстати, у часовой колбы здесь было десять пометок.

В этом районе степи прижились только две небольшие рощицы – одна в полукилометре от поместья, а вторая в пяти километрах, как раз возле ближайшей переправы. В том месте илистое дно Чумры по каким-то неизвестным для меня причинам было плотным, а уровень воды невысоким – как

раз по брюхо хтарскому коню.

Всадники появились из-за прижимающейся к реке рошцы плотно сбитой массой. Заросли они объезжали с изрядным запасом, подозревая, что за покрытыми лишь почками ветками может прятаться засада.

Кстати, эту мысль нужно обмозговать: ведь скоро листва закроет кроны деревьев и ветки кустов.

Навскидку хтаров было около двух сотен. С одной стороны, многовато, с другой – наших укреплений такому «войску» не взять.

Не знаю, кто именно командовал этой бандой, но он решил атаковать с ходу. Масса всадников начала огибать поместье, держась на расстоянии ста метров.

Это они, конечно, зря.

– Берегись, стрелы сверху! – скомандовал я, приседая за плетеным бруствером. Увы, команду «воздух» местный народ не воспринимал, поэтому приходилось выражаться точнее.

Внутри защитного периметра раздалась такая же команда, и тут же по доскам навеса застучали стрелы. Некоторые наконечники даже пробивали доски, но застревали в них и лишь бессильно щерились острыми жалами – плотники поработали на славу.

– Снайперы! Приготовиться! Трое по лошадям! Залп!

Драгуны по моей команде вскочили и практически без задержки послали стрелы в сторону возвращавшихся хтаров –

огибать городок они не стали, потому что вал подходил к реке метров на двадцать, и влететь в этот промежуток было смерти подобно.

В толпе хтаров несколько всадников повалились на землю, заржали раненые лошади, и эхом этому крику боли завопили разъяренные степняки. И у имперских рыцарей, и у степняков были похожие правила насчет неприкасаемости лошадей. Я их полностью разделял. Но мне было просто жаль калечить этих прекрасных животных, а для местных вояк лошади являлись добычей, которую портить себе дороже.

В данной же ситуации на кону стояли жизни людей, так что мне было не до сантиментов.

Намек хтары поняли и тут же отхлынули к рошице. Что странно, нигде не было видно командирской группы – хтары пошли в атаку все до единого. Догадка насчет демократии здесь не проходила, так что ханом у этого клана был либо слишком горячий воин, либо слишком юный.

Похоже, верными оказались оба предположения – как только хтары доехали до зарослей, они тут же спешили и бросились обратно уже на своих кривых ногах, с воплями потрясая прямыми мечами. В этот раз в атаку пошли не все – часть степняков осталась с лошадьми, а часть задержалась, чтобы развести огонь и приготовить специальные стрелы. Да только поджечь мой городок им не светило.

Поджигатели вышли на безопасную, как им казалось, ди-

станцию в сто метров в момент, когда основная масса хтаров уже подбегала ко рву.

– Мороф, отметка пятнадцать, дальность сто десять! – крикнул я сотнику, уже выводившему своих людей из-под навесов у барачков. Развернувшись обратно, уже значительно тише отдал приказ защитникам стены: – Стрелять по готовности.

Нет, с воплями надо что-то решать, нужно завести рупоры или свистки.

– Дай! – тут же послышалось сзади, и в небо ушла плотная стая деревянных посланниц смерти, как бы это пафосно ни звучало.

Щелчки по защитным нарукавникам раздались справа и слева. Вновь побледневшая Уфила работала с монотонностью хорошо отлаженного автомата, а вот Дирата оскалилась, как волчица, и, кажется, тихонько рычала.

Эва как раззадорило девку. Главное, чтобы не свихнулась от потрясения и психологических метаморфоз.

Облако стрел рухнуло на поджигателей, заставляя выживших что есть силы рвануть обратно к роще. А в это время ринувшиеся в атаку хтары уже лезли на утыканный острыми кольями вал – явно больше от безнадежной злобы, чем с реальной целью.

Это издалека пологий накат кажется легко преодолимым, но, выбравшись из грязи рва, степняки не смогли добраться и до середины подъема. Большую часть нападавших сшиба-

ли стрелы, а меньшая валилась сама.

Пришло время и мне принять участие в отстреле степняков, используя свои слабые навыки лучника, но и их хватило с запасом – на таком-то расстоянии!

Отваги степнякам хватило меньше чем на минуту, и они дружно отхлынули обратно. Мой взгляд тут же привлек некто в броне, похожей на серую чешую. Я точно видел, что в него раза три попадали стрелы, но на скорость, которую развил данный субъект, это никак не повлияло.

Интересная бронька, хочу себе такую же.

То, что творилось во рву, выглядело жутким побоищем, но, как ни странно, от городка убегала большая часть нападавших.

Внезапно меня посетило чувство несовершенства окружающего мира. Повернув голову, я едва не зарычал от бешенства и на степняков, и на себя дурака. Под бруствером из корзин сидела Уфила, с удивлением уставившись на торчавшую из предплечья стрелу. Дирата уже присела рядом с подругой и тянулась к окровавленному древку.

– Не трогай! – Мне все же хватило мозгов на разумную мысль.

Подхватив стонущую девушку на руки, я метеором слетел со стены и побежал в сторону конюшни. Благо находилась она недалеко – при таком-то периметре.

Охто не участвовал в бою не только потому, что не хотел воевать с родичами, но и потому, что в качестве медика от

него было значительно больше пользы, чем от воина.

– Здесь, – резко сказал старичок, ткнув пальцем в сторону невысокого топчана, и тут же присел рядом с Уфилой. Понимая мое состояние, он быстро бросил через плечо. – Ничто страшно, хозяин.

После этих корявых, но обнадеживающих слов я смог хоть немного успокоиться и тут же обозвал себя идиотом.

Воевода, блин, развел здесь истерику!

Стоявший у входа Черныш, казалось, разделял мое мнение. А в это время четверть сотни казаков тупо смотрели на вход в конюшню.

– Твою ж мать!

Одним движением я взлетел в седло Черныша и ткнул пятками в мохнатые бока. Конь обиженно фыркнул.

Можно подумать, какой неженка! И это при том, что я принципиально не ношу шпор.

– За мной! – крикнул я казакам, вылетая из конюшни.

Эта команда моментально вернула все на свои места – казаки тут же вскочили в седла и устремились за мной, а оставленные у северного выезда из городка бойцы тут же среагировали на изменившуюся обстановку и уронили через ров подъемный мост-ворота. Успокаивая мою совесть, со стены донесся крик старшего снайперской десятки, занявшего брошенный мною пост наводчика:

– Метка пятнадцать, даль две с полсотни!

Так, значит, пока я тупил, прошло не так уж много вре-

мени. Триста метров – это почти потолок для стрельбы из длинного лука. Возможно, они достанут еще метров на пятьдесят, но только для видимости обстрела.

Теперь главное – не опоздать.

Громыхая копытами, двадцать пять казаков во главе со своим непутевым бароном вылетели из узкого прохода в защитном валу и по дуге поскакали в сторону рощи.

Мы едва не опоздали – около двух десятков хтаров уже вскочили в седла и начали оттеснять половину табуна в сторону переправы. Еще три десятка подбегали к оставшимся лошадям, причем «чешуйчатый» бежал впереди всех, несмотря на плотную броню.

Ох, как же я хочу эту броньку!

Еще три десятка самых медленных или просто раненых степняков до своих коней не добежали. Все происходящее напоминало мне фильм про Чапая, только местные «красноармейцы» были в усиленных железными пластинами кожаных куртках и с похожими на горшки шлемами вместо буденовок, а вот шашками они крутили очень даже лихо. И кровь, которая полилась через пару мгновений, была самой настоящей.

Убийство бегущих людей – не самое приятное занятие в этой жизни, поэтому я немного отстал. Пусть даже казаки заподозрят меня в трусости – как-то переживу.

Увести своих лошадей хтарам не удалось, и десяток сохранивших выдержку степняков во главе с ханом бросили

табун, умчавшись к переправе вслед за остальными.

К финалу погони выяснилось, что хоть какой-то толк от того, что я поперся впереди всех, все же был. Мои молодцы, раззадоренные невиданной в местных краях победой над степняками, с разгону поперлись через брод. Пришлось материться на обоих языках и стучать по шлемам и спинам нагайкой, и с большим трудом, но я все же сумел завернуть слишком горячих парней.

А через пять минут три десятка хтаров выскочили из неприметной балки и проскакали вдоль берега. А ведь самые горячие казаки в это время должны были находиться посреди реки. Мы обменялись стрелами и разъехались окончательно. На наш берег хтары сунуться не рискнули, имея шанс поплыть по течению хладными трупиками. Я похвалил себя за предусмотрительность – при равенстве сил тягаться с хтарами было чистым самоубийством, особенно учитывая, что половина казаков по сути являлась сопливыми пацанами. Пока гнались за отступающими хтарами, нам помогала паника степняков, которая после переправы наверняка успела выветриться из их голов, так что теперь нужно было отходить, пока не поздно.

Приятно возвращаться домой, особенно с победой. Казацкая молодежь тут же ускакала собирать трофейный табун, а драгуны уже рыскали по полю, вытряхивая трупы хтаров из амуниции и сгоняя пленных в одну кучу. Полон набрался не особо большой – пятнадцать кривоногих представителей

степного племени с ранениями в основном средней тяжести. Тяжелых «милосердные» драгуны уже дорезали.

Конечно, первым делом я отправился домой, где в комнате прислуги лежала Уфила. Девушка уже успела оклематься, а о ранении напоминала только плотная повязка с красными пятнами. Она даже хотела заняться работой, но ставшая вдруг сердобольной Никора силой уложила ее обратно в кровать.

Во дворе росла куча трофеев, а недалеко от роши докапывалась братская могила для хтаров. У нас, к счастью, были только легкораненые, и это при совершенно идиотском поведении предводителя этих людей. Стало невыносимо стыдно и тошно. С опытом-то ладно – наработаю, а вот как привыкнуть к такому количеству смертей, хоть и вражьих? Кажалось, безумие всех приключений в империи уже позади, но нет, вокруг меня вновь громоздятся сотни трупов. И ведь все только начинается – несмотря на всю мою рефлекссию, я сейчас выйду из дома и отдам очередной приказ.

– Курат, – стоя на пороге, остановил я начало монолога счастливого донельзя атамана казаков, – готовься сам и передай Морофу. Завтра на рассвете казаки и драгуны выходят в поход.

– То есть как? – немного подвис Курат, явно ожидая, что мы прямо сейчас уйдем как минимум в трехдневный загул.

– Вот так. Сколько у нас здоровых лошадей вместе с трофейными?

– Ну где-то сто двадцать, – быстро подсчитал казак.

– Прекрасно. Пусть сотник на всякий случай оставит десяток своих парней в городе. В общем, иди готовься, и давай только без пьянки. Чтобы ни одного похмельного я утром не видел. Казаков это особо касается. Вернемся – и уже тогда устроим праздник.

Усталость навалилась внезапно, словно поджидала подходящего момента, и я, подволакивая ноги, вошел в конюшню. Раненых там уже не осталось, и сидел лишь грустный Охто.

– Старик, ты сможешь мне найти стойбище тех, кто напал?

– Да.

– Подумай хорошо – если тебе неприятно вредить родителям, я не стану приказывать.

– Не потому печаль кушает мое сердце. Моя семья теперь с хозяином. Просто плохо это все, – вздохнул старик, и даже Хан, догрызающий какую-то кость, хмуро пошевелил бровями, совсем как собака.

До заката было еще далеко, но спать хотелось просто невыносимо, поэтому я снял броню, на скорую руку помылся и завалился в кровать.

Когда стемнело, пришла Уфила и тихонько легла мне под бочок. Ничего не хотелось ни ей, ни мне, поэтому мы просто уснули, прижавшись друг к другу. Сквозь навалившуюся дрему я услышал скрип половиц и мягкий стук, с которым Хан завалился на пол перед дверью.

Рассвет следующего дня мы встретили уже за рекой. В поход отправились восемь десятков драгун и все двадцать пять казаков. Многие из них приделались в трофейную броню, если, конечно, это можно было так назвать. Среди хтарского обмундирования были даже напоминающие чешую бригаантины, но вблизи они оказались металлическими бляшками, нашитыми на кожаные кутки, – явно топорной подделкой под что-то другое.

Интересно, с броней «чешуйчатого» хана такая же ерунда? Что-то не верилось, особенно если вспомнить, как от нее отскакивали тяжелые стрелы.

Колонну вел хтар, а молодые казаки гарцевали по округе, высматривая врага. В принципе Охто можно было и не брать. Хан с утра пристроился впереди процессии с таким видом, словно гуляет сам по себе. Намерения волка стали понятны, когда конные следы привели старого хтара к своеобразной развилке посреди голой степи. Охто задумался, а Хан, не сбавляя хода, свернул налево. Дальше проводником был уже волк.

До вечера мы так и не добрались до таинственного стойбища, поэтому устроились на ночевку под степным небом. Весенняя земля была довольно прохладной, поэтому очень кстати оказались и попоны, и плетенные из коры подстилки.

Несмотря на уверения Охто в том, что опасаящиеся блуждающих духов хтары не ездят по ночам, Курат выставил усиленное охранение, и я был с ним полностью солидарен.

Мягкий свет огромной луны, сытный ужин и монотонный голос Охто навевали сон, но я все же решил дослушать рассказ старого степняка до конца – ведь сам завел разговор о жизни хтаров.

Это я, конечно, вовремя, будто не было времени собрать информацию о беспокойных соседях еще зимой.

Из рассказа старика получалось, что мы имеем дело с не самыми сильными кочевьями. Богатые хтары не нуждались в жалкой добыче из бедных пограничных баронств. Несметные табуны в центральной части хтарской степи сытно кормили своих хозяев, а если ханам становилось скучно, они вовевали друг с другом. Те же, кто жил вдоль границы с империей, обеспечивали остальных рабами и зерном. Если же необходимого количества зерна не удавалось взять на меч, то его меняли на лошадей в короткие дни торгового перемирия.

В конце зимы кочевья пограничных хтаров перемещались к границе. Здесь, на юге степи, и трава зеленела раньше, и до потенциальных рабов было ближе. Так что имелись шансы, что долго бегать нам не придется. Вряд ли предводитель напавших на нас хтаров решит броситься в бега. И уж точно он не ожидает от нас такой наглости.

Действительно, хан хтаров не ждал ответного визита своих оппонентов. С утра вместо юнцов в дозор ушли опытные, переквалифицировавшиеся в казаков воины-пастухи, которые прожили в этой степи едва ли не всю жизнь. Поэтому нам удалось подобраться к стану кочевников практически

вплотную.

То ли хтары устали после поражения и бегства, то ли просто вконец расслабились в роли самых крутых парней в округе, но кочевье охраняли лишь мальчишки-пастухи, которых мои казаки тихо изловили. Парочка самых шустрых пастушков получила по стреле в спину. Ничего не поделаешь – война.

Вид на кочевье открылся сразу, как только мы выехали на очередной холм. Этот мир был очень похож на Землю, и я постоянно забывался среди знакомых понятий: легион, империя, вся палитра дворянских званий от барона до герцога. На юге местного континента жили чернокожие, а в степи кочевали люди с раскосыми глазами. Но как только я расслаблялся, реальность подносила очередной сюрприз – местные негры оказывались совсем не людьми, повсюду находились следы древнейшей цивилизации, и даже устоявшаяся в сознании картинка степного быта сильно отличалась от того, что я увидел перед собой. Вместо куполообразных юрт хтары проживали в настоящих вигвамах. Некоторые из них были словно срослены друг с другом и имели по две и три верхушки. А в центре вообще стоял целый комплекс из шести конусов.

Я разглядывал становище не очень долго, потому что почувствовал недоуменные взгляды своих подчиненных. Пришло время действовать.

– Драгуны, вперед. Казаки двумя отрядами встают позади

драгун, ближе к краям.

Неровная масса всадников начала перестраиваться, и только тут нас заметили. В становище начался форменный переполох. Хтары хоть и были беспечными, но собраться успели буквально за пару минут. Основная часть степняков в полном беспорядке металась между «вигвамами», а небольшая группка в полсотни всадников выехала нам навстречу.

Драгун я остановил в трехстах метрах от стойбища – практически на максимальном расстоянии для навесной стрельбы. Они быстро спешили и приготовили луки. Коноводы держали коней неподалеку, и мы в любой момент могли возобновить движение хоть вперед, хоть назад.

Сейчас перед ханом хтаров встал простой выбор – бросить все добро и бежать или биться. Похоже, чашу весов склонил тот факт, что в случае побега придется оставить основной табун и мирное население. А каким он будет ханом без своего кочевья?

Хтары с воплем рванулись вперед, даже не тратя времени на стрельбу из луков. Хан хоть и был горяч до безобразия, но все же сделал выводы из печального опыта – только резкое сокращение дистанции позволит ему хоть как-то изменить ситуацию в собственную пользу.

– Палец вправо. Подъем четыре. Дай, – без напоминаний начал командовать Мороф. – Копья, вперед! Подъем три! Дай! Прямо!

Последнюю команду вряд ли понял бы непосвященный

человек, но драгуны как раз знали что делать. Бойцы задней из трех жидких шеренг бросили луки и подхватили с земли двухметровые копья. Они проскользнули между рядами своих товарищей и встали перед ними на одно колено. Вторая шеренга, пустив стрелы в небо, тут же сделала шаг в сторону и изготовилась стрелять прямой наводкой в просветы между бойцами первой шеренги.

Драгуны прекрасно знали команды и свое место в строю, но учебные выходы – это одно, а смотреть, как на тебя несется отряд степняков, – совсем другое. Возможно, они бы и дрогнули, но тут раздались голоса десятников:

– Всем стоять ровно! Целься лучше, барсуки криворукие!

Правило всех времен и народов «Солдат должен бояться своего сержанта больше, чем врага» сработало и здесь. Драгуны быстро вспомнили, что может сделать с ними звероподобный десятник, и перестали сомневаться. Кстати, Морофа они боялись больше, чем десятников. Я сам его немного опасался.

Жидкая шеренга копейщиков внушала большие сомнения, но, к счастью, нам не пришлось выяснять, насколько все плохо: ни один из хтаров так и не сумел добраться до драгунских рядов. Выстрелы прямой наводкой из большого лука – для слабозащищенных всадников штука страшная. Не выжил даже хан, хотя пал он не от стрелы – его лошадь убили, а предводитель хтаров просто сломал себе шею при падении. Что ж, пусть он займет свое место рядом с духами предков,

как поступивший достойно и павший с честью. Пусть его духу не придется скитаться ночной степью, как духам трусов и предателей.

Проверив стойбище на наличие вооруженных мужиков, казаки умчались собирать стадо коров и лошадей, а драгуны занялись упаковкой трофеев. Всех пленников мы забирали с собой, включая раненых воинов. Мне глубоко противно рабство, но на этих людей у меня были свои планы. Городок Маран должен строиться и отапливаться, так что на будущем кирпичном заводике и угольных шахтах очень не помешают рабочие руки. Все это будет проходить под видом отбывания срока за грабеж и владение рабами. После трех- и пятилетних сроков люди смогут уйти в степь, и все же мне почему-то казалось, что они присоединятся к жителям моего баронства.

Вот такие у меня меркантильные планы, абсолютно нарушающие права человека. Не скажу, что чувствую себя совершенно правым, но на все сто уверен, что либералы в степи проживут недолго.

С другой стороны, рабство нужно пресекать и наказывать, и хотя в становище не осталось ни единого раба, признаки их недавнего пребывания находились везде. Поиздержавшиеся за зиму кочевники попросту продали рабов родичам из центральной части степи, явно рассчитывая восстановить статус-кво за счет моего баронства.

Из всех трофеев меня больше всего волновала чешуйча-

тая броня хана, и я не разочаровался. Это было нечто удивительное. На сложносоставную основу, похожую на редкую кольчугу, крепились чешуйки разного размера – от мелких на местах сгиба и внутренних сторонах конечностей до крупных на внешних сторонах и торсе. Самые большие – в половину ладони – крепились на внешней стороне предплечья, образуя щитки. Что интересно, даже если меч попадает под чешую, они лишь сдвигаются под усилием и зажимают кончик или кромку вражеского клинка.

После того как хана извлекли из брони, оказалось, что он был совсем еще юноша. По комплекции немного ниже меня и уже в плечах, но пленный кузнец, присматривавший за оружием и броней своего господина, подсказал, что после несложных манипуляций можно подогнать броню под нужный размер. При необходимости в набор добавлялись дополнительные чешуйки, которые также имелись в запасах кузнеца. Запасные чешуйки покупались вместе с броней и предназначались для подобной подгонки и замены выбитых в бою пластин.

По словам пленного хтара, эта броня попала в степь с северного побережья материка, где в городах-государствах жили мастера, обладавшие заоблачными умениями.

Ждать мне не хотелось, и пока драгуны собирали добычу в караван, а казаки сгоняли табун, хтарский кузнец, Охто и Курат подгоняли под меня «чешую».

Серая конструкция облежала тело словно жидкий металл.

Имелась даже нижняя часть, которой хан не носил из-за неудобства езды в маленьких хтарских седлах. Шлем тоже был очень нестандартным, это я успел заметить еще в бою. Верх и затыльник шлема были похожи на часть яйца и не вызвали удивления, а вот прикрывающая лицо металлическая маска буквально притягивала взгляд. Она состояла из верхней части с прорезями для глаз и нижней с выступами, похожими на жвала насекомого. Да и вообще маска имела структуру, напомилавшую мелкие сочленения хитина. Не знаю, кто придумал такой дизайн, но у него точно не все в порядке с головой. Впрочем, голову шлем защищал прекрасно, давал сносный обзор, позволяя легко дышать, а внешняя жуть в бою только на пользу – пугать врагов.

Из шатра хана, который остался единственным неразобраным, я вышел, чувствуя себя как максимум драконом, а как минимум – ящерицей. Такой ящерицей с мордой насекомого. Конечно, было немного неприятно осознавать, что броня еще не остыла после прежнего владельца, но ее достоинства заставляли забыть о надуманных недостатках.

Поприседав немного и даже попрыгав, я понял, что «чешуя» мне нравится еще больше – раза в полтора легче экипировки оруженосца, а по надежности ее можно было сравнить с рыцарскими латами. Движений броня практически не сковывала, что подтвердила короткая ката из боевого комплекса дари.

Великолепно! Я просто в восторге!

А вот Чернышу обновка не понравилась, и стало понятно, почему покойный хан не носил чешуйчатых брючек. С конем мы достигли компромисса за счет дополнительного слоя попоны у седла и обещания придумать что-либо более ответственное.

Пока я «прибарахлялся», сборы закончились и караван был готов тронуться в обратный путь. Все спешили домой, тем более что хотелось провести одну ночевку в степи вместо двух.

Немного успокоившись, я наконец-то задумался над тем, а откуда у довольно небогатого хана появилась редкая и наверняка очень дорогая вещица?

За расследование взялся Охто и на вечернем привале поделился со мной не очень приятными новостями. Предводитель пограничного кочевья получил «чешую» от отца – хана богатого рода, кочующего в центре степи. Парень не хотел со временем оказаться простым батыром у старшего брата. Хан же любил младшенького, поэтому позволил «отпочковаться» от рода всем тем, кто этого хотел, тем самым сделав сына предводителем собственного рода даже раньше старшего брата. Когда-то в молодости старый хан поднялся именно на набеггах через границу империи, поэтому сын отправился по стопам отца. Вот такую перспективную карьеру и обломал никому не известный барон.

В плюсе была шикарная добыча в виде очень дорогой брони, а в минусе – шанс поиметь неприятности от убитого го-

рем родителя. В том, что так оно и будет, Охто не сомневался.

Окружающий мир и сложившиеся в нем традиции очень сильно влияют на наш характер – на Земле, несмотря на видимость демократии, все расписано до запятой даже для человека, находящегося на вершине пирамиды. Причем пирамиды кастовой, без малейших социальных лифтов. В нашем мире каждое решение подвергается множеству сомнений – ведь действие, хоть на миллиметр сдвигающее устоявшуюся систему, тут же вызывает реакции всего организма. Тому, кто пошел против системы, остается только горько сожалеть о своей глупости.

В приютившем меня мире, несмотря на феодальный строй, пока все иначе. Даже в империи есть возможность прорваться наверх, а потерявший сына «олигарх» не сможет воспользоваться системой и призвать себе на помощь всю степь. Так что шанс выкрутиться все же был.

Пока я делал выводы, судьба напомнила мне, что везение не может быть вечным. Ближе к полудню следующего дня прискакал один из дозорных казаков.

– Господин, хтары.

– Где? – тут же напрягся я, выбрасывая из головы ненужные мысли.

– Недалеко, – с серьезнейшим видом ответил казак.

Да уж, в этом мире, лишенном наручных часов и хоть как-то сбалансированной системы мер и весов, понятие «близко»

было необычайно точным.

– Что ты видел?

– Они идут от нашего брода. Ведут полон и обоз награбленного.

– Да чтоб вас всех! – В моей груди похолодело. – Тебя видели?

– Простите, господин, это случилось неожиданно. – Казак снял шлем и низко склонил украшенную наполовину седым чубом голову, словно предлагая отсечь ее.

– Мороф, разворачивай драгун. Коноводов и лошадей в обоз. – Немного подумав, я добавил: – Оставь еще десяток стрелков с обозом. Выходим на холм, обоз оставляем в балке. Казаки, на позиции.

Когда из-за холмов вынырнула не менее чем двухсотенная лава степняков, я выдал несколько фраз из непонятного в этом мире русского матерного.

– ...Ну что, Ваня, доигрался?

Морофа контролировать нужды не было – он и без меня знал, что и когда делать.

– Без поправки. Подъем пять. Дай! Подъем четыре! Дай!

Суетные мысли ушли куда-то вдаль, и я отчетливо понял, что степняки сейчас приблизятся на дистанцию выстрела и ударят по почти бездоспешным драгунам. Разница в наших с врагом возможностях была в сто пятьдесят метров. А если с гарантией, то в сто – длинные луки били на триста, а степные даже с помощью инерции бега лошади всего двести. Будь их

хоть вполовину меньше, то до двухсотки хтары не дотянули бы, а так у нас оставалось несколько секунд безопасности, а затем начнется размен. Очень невыгодный для меня размен.

– Драгуны! Проходы! – была и такая команда, заученная на зимних учениях.

Крайние трети драгун приставными шагами сдвинулись в сторону, образовав два прохода в общей массе.

– Казаки! Любо! – Во время зимних посиделок я объяснил новым казакам, что означает это слово: «Любо жить красиво, любо любить всем сердцем и любо умирать с честью». Возможно, я что-то додумал от себя, но, как мне кажется, самую суть ухватил верно.

– Любо!!! – взревела жалкая горстка единственных на всю планету казаков – и следом за мной хлынула в проходы между отрядами продолжающих пускать стрелы драгун.

Когда с коня рухнул первый казак, мое сердце болезненно сжалось, и все же это значило, что все получилось – хтары начали стрелять в нас как в главную цель.

Казалось, прошла целая вечность, но на самом деле мелькнули только жалкие секунды. Еще мгновение назад такая далекая, толпа степняков рывком приблизилась.

Несколько стрел скользнули по моей шикарной броне, но меня это не заботило.

– В стороны! – заорал я, надеясь, что меня услышат и поймут.

Заводя Черныша на широкую дугу, я увидел, как драгуны

бьют прямой наводкой в слегка растерявшихся хтаров. Степняки не знали, что делать, – сворачивать за нами или атаковать жалящих стрелами драгун. Дистанция была смехотворной, поэтому хтары уже сменили луки на прямые мечи.

Сколько степняков село нам на хвост, я не видел, потому что во все глаза смотрел на приближающихся к драгунам вражеских всадников. Они падали кто сам, кто вместе с конем. Масса хтаров таяла, но, увы, недостаточно быстро. Воображаемая траектория, в которую я пустил Черныша, должна была в финале пройти прямо перед рядами вставших на колено копейщиков, но я уже понимал, что безнадежно опаздываю. За секунду до финиша масса степной конницы вломила в ряды драгун. Хрустнули древки копий, мучительно заржали кони, и дико заорали люди – кто от боли, а кто от бешеной ярости, смывающей страх, как вода свежую кровь.

Черныш ударил грудью в круп пролетающую перед ним низкорослую лошадку, разворачивая всадника как раз лицом под мою шашку.

– Хех! – выдохнул я, рубанув прямо по вытарашенным, несмотря на всю раскосость, глазам. Кровь брызнула в разные стороны.

Следующего хтара я хотел рубануть по спине, но не достал.

Эх, коротковата моя «урезанная» шашечка, надо бы держать у седла стандартную шашку или даже подлиннее. Да и короткая пика не помешала бы. Силен я задним умом.

Резкий рывок поводьев развернул Черныша навстречу движению хтаров. Через секунду мы обменялись с низкорослым всадником ударами, и если моя «чешуя» даже не поцарапалась, то степняк получил по макушке, и качественная сталь шашки расколола хлипкий шлем вместе с головой.

А в следующий момент хтары закончились. Я развернулся в седле и увидел, что на ногах остались только драгуны и разбегающиеся в стороны хтарские лошади без всадников.

Сердце кольнуло осознание того, что стоит лишь меньше половины моих людей, но через минуту немного отлегло: основная масса просто села на землю – кто из-за ран, а кто от потрясения и усталости.

– А-а-а!!! – страх и адреналиновый отходняк вырвался из моей глотки диким воплем.

– А-А-А!!! – ответил мне рев воинов, и в этом крике жила радость настоящей победы.

Сначала я дождался подсчета потерь. Приятного, конечно, мало, но все было не так плохо, как показалось сначала: погибло одиннадцать драгун, и двадцать получили ранения разной тяжести. С казаками дела обстояли хуже – на коне осталась лишь треть бойцов. Из выбывших – пятеро погибли, а остальные ранены. Двое тяжело.

Так что нужно срочно позаботиться о лучшей защите бойцов. Конечно, из трофеев они разжились хоть какой-то броней, но этого мало.

Пока мы с Куратом размещали раненых в обозе, не утер-

певший Мороф все же послал два десятка драгун в сторону вражеского обоза. За ними увязались уцелевшие казаки. Надо отдать должное, несмотря на все беспокойство за жену, сотник остался с ранеными подчиненными. Кстати, предосторожность насчет дополнительной охраны нашей добычи оказалась очень кстати. Два десятка степняков зашли с тыла и напали на обоз. Дабы не портить полон, они не пользовались стрелами, посчитав, что драгуны – это обычная прислуга. При равном количестве соперников мои драгуны пошибали хтаров с коней, как глухарей с дерева, не ранив ни одного животного.

Когда мы наконец-то устроили всех раненых на телегах с огромными колесами и волокушах, появились посланцы Морофа. Сотник все же не утерпел и, нахлестывая свою лошадику, понесся навстречу.

Когда бывший бандит вернулся, сверкая черными глазами и белозубой улыбкой, я понял, что все в порядке.

– Кого там пощипали эти проклятые хтары?

– Барон, лучше гляньте сами, – загадочно заявил похожий на цыгана сотник, и его улыбка стала злорадной.

Интересно, и что же его так развеселило?

Не скажу, что я обрадовался, но, по крайней мере, стала понятна загадочность Морофа.

Из четырех десятков разновозрастного и разнополого отобранного у степняков полона я узнал только одного человека – барона Гомора. Того самого соседа, который претендо-

вал на Черныша в счет долга моего номинального отца. Сухощавый дворянин лет двадцати пяти от роду чем-то напоминал мне героя советских комедий Шурика. Интересно, откуда в степи взялся такой белобрысый персонаж. Судя по типу лица, это был веселый и жизнерадостный человек, да только я почему-то этой веселости не видел ни сейчас, ни раньше. Сейчас-то понятно – пара царапин, как минимум одна рана и синяки не располагали к веселью. А вот почему он так злобствовал при нашей первой встрече – ведь не из-за Черныша же?

В прошлый раз мы виделись, когда сосед явился разобраться по поводу оскорбления своего наглого управителя. Поговорили мы на повышенных тонах, а перед расставанием барон не выдержал и сделал вызов на поединок. Глядя на меня, он видел человека как минимум на пару лет моложе себя, поэтому не мог стерпеть моего сарказма.

Честно, я сначала старался смягчить ситуацию, но, видя непробиваемую злость, завелся и сам. Попытка вызова закончилась посылом барона в дальние края, как минимум поближе к столице, где дворяне режут друг дружку просто от скуки. Чтобы он понял все точно, я использовал местный фольклор, хотя русский язык в этом плане был значительно выразительнее.

Представляю, насколько ему неприятно видеть меня в роли спасителя.

– Не скажу, барон, что рад нашей встрече, особенно при

таких обстоятельствах, но, по крайней мере, меня тешит мысль, что вы не поедете дальше в степь, – довольно своеобразно поприветствовал я соседа. – Не расскажете мне, как все случилось?

В ответ барон Гомор лишь отвернулся, а скрежет его зубов был слышен на всю округу.

– Ну как хотите. На благодарность не рассчитываю. Прощайте, не буду обременять вас своим обществом.

В принципе барона можно было и не спрашивать, потому что вездесущий Курат уже успел пообщаться с другими пленниками и явился ко мне с докладом. Но сначала он минут пять распинался по поводу моей расточительности, так как уже положил глаз на некоторые вещи из новой добычи. По законам степи я имел право не только на имущество соседа, но и на выкуп за его персону. Все это барахло, как и выкуп за барона, мне были без надобности, несмотря на жаркие возражения предводителя казаков.

Немного успокоившись, Курат поведал мне историю о том, как хтарский отряд прошел через дальний брод и неожиданно напал на наших соседей слева. Барону с командой охотников, как и работающим в поле людям, просто не повезло. Хорошо, хоть остальные успели спрятаться за стенами усадьбы. Лить кровь при уже имеющейся добыче хитрые хтары не решились, но все же нанесли визит соседям барона, то есть нам.

Наши дозорные на вышках сработали четко, и степняков

встретили стрелы амазонок и оставленных в поместье драгун. Плюнув на слишком кусачую добычу, хтары пересекли наш брод и ушли в степь, как раз навстречу моему отряду.

Как показала практика, мы были слишком беспечны. Вскружившие голову легкие победы расслабили, за что пришлось платить жизнью товарищей. Хорошо, хоть с поместьем все сложилось удачно. И отнюдь не благодаря уму владельца этих земель. Давно нужно было продумать такую возможность и рассылать дозоры не только в степь, но и по всей округе.

Несмотря на потери, в этот вечер поместье Маран захлестнуло волной веселья. Рекой лилось привозное вино, местная медовуха и даже кумыс. Печалились на этом празднике только родственники погибших и хтары, причем все – и пленные, и Охто. Он не стал присоединяться к общему гулянию, отсиживаясь в своем закутке. Я догадывался, что именно беспокоит старика, поэтому немного попировал с подданными и навестил хтара. Охто что-то вырезал из деревяшки, мурлыча под нос печальную песню – бесконечную и плавную, как сама степь. Был у него и слушатель – обожравшийся мясом Хан улегся неподалеку и, прижмурившись, впитывал в себя эмоции исполнителя тягучей мелодии. В походе хитрый волк не получил ни царапины, благоразумно оставив людские разборки людям. Поэтому мог сейчас сибаритствовать.

– Охто, нужно поговорить, – сказал я, присаживаясь рядом с хтаром.

– Нужно, только я не хотел говорить, пока хозяину весело.

– Делу время – потехе час, – перевел я русскую поговорку на имперский язык.

Хтар, немного подумав, все же сумел «переварить» высказывание:

– Умный человек сказал.

– Не то слово. Охто, твои заунывные напевы ведь не просто так?

– Да, хозяин. Плохо будет, нужно уходить от степи.

– С чего бы это? – удивился я. Конечно, проблема имела место, но мне казалось, что она была не настолько радикальной.

– Большой хан мстить будет. Мы убили не только сына: погиб росток рода. Мы выколоть глаз и отрубить руку.

– А может, он не придет?

– Придет. За смерть любимого сына он даст клятву духам, а эту клятву нарушить нельзя.

– Да уж, невесело, – вздохнул я, понимая, что все намного серьезнее, чем мне казалось. – Сколько может прийти воинов?

– Я спрашивал пленных. Хан сильный. Шесть рук держит. Всех не приведет, побоится соседей. Но три будут точно. И сам хан с батырами. Сильно плохо, хозяин.

Действительно, хорошего мало. Наименьшее подразделение у степняков насчитывало сорок человек. Рука имела пять таких отрядов-пальцев. То есть двести воинов. У хана

всего тысяча двести всадников, а привести он сможет шесть сотен. И это не те голодранцы, что ушли с младшим сыном хана на поиски лучшей доли. Что уж говорить про пока неизвестных мне батыров.

Дела-а!

Наш разговор затянулся далеко за полночь. Я расспрашивал старика об обычаях хтаров, суевериях и традициях. Информации было много, и среди всего этого вороха наверняка имелась нужная мне жемчужина, но пока она успешно пряталась в куче всякой белиберды.

Ни праздновать, ни спать не хотелось, поэтому я засел в кабинете и принялся думать. Чуть позже в кабинет явилась слегка хмельная Уфила, но, поняв, что мне не стоит мешать, сначала хотела уйти, а затем все же осталась и тихонько устроилась на плетеном кресле-качалке – кстати, довольно популярном здесь предмете мебели. Я посмотрел на затихшую девушку, которая баюкала раненую руку, и вспомнил Лару. Вот так же в кабинете императора она смотрела на меня, стараясь не мешать кропотливой работе.

Ближе к утру в кабинет ввалился Курат. Так как ничего разумного в наши головы совершенно не приходило, мы ту-по напились, стараясь не разбудить спящую в кресле Уфилу.

Пьянка – зло, а похмелье – зло в кубе. Но вот какой нюанс. Алкогольная перезагрузка мозга позволяет взглянуть на вещи под другим углом. Ну а утренний токсикоз – это неизбежный побочный эффект, с которым приходится мириться.

Утренняя прогулка верхом на отвратительно бодром Черныше позволила немного освежить голову и утрясти последние детали в общем плане предстоящей обороны.

Благодаря возникшей на нетрезвую голову идее мы были все же готовы к приходу врага. Как только из степи прискакал уже знакомо взъерошенный Лакор, четыре десятка драгун и восемь казаков-ветеранов, вместо того чтобы запереться за земляными валами, направились к чахлому лесочку по соседству. Лесом это назвать было нельзя – полкилометра в длину и триста метров в поперечнике. Причем один молодняк. Когда я выложил свой план Морофу и мелкому мужичку, который являлся лучшим следопытом из лесовиков, они дружно сказали, что я сошел с ума. И ведь не побоялись же, сволочи, баронского гнева.

Дело пошло веселее после того, как я усомнился в их умении работать с лесом, – народ сначала набычился, а затем включил мозги. И вот сейчас мы въезжали в лесок, который, внешне совершенно не изменившись, в сути своей претерпел огромную метаморфозу.

Лесовики говорили, что сделают все быстро, но я все же их поторапливал и оказался прав.

Хтарская степь огромна! Десятки тысяч километров пространства, а слухи разносятся, как в убогой деревеньке на три двора. Не прошло и двух недель, как в мои земли заявили мстители.

Около часа и мы, и засевшие в городе жители напряженно

ждали, пока степняки переправятся на наш берег. В плане подсчетов приходилось опираться на сметливость дозорных, которых я научил разбивать массы на части и, посчитав одну часть, складывать все вместе. Лакор выдал цифру в пять похожих на нашу сотню групп врага. Возможно, он прав и хан привел меньше людей, чем мы ожидали, впрочем, для нас сотней больше, сотней меньше – роли не играло. Либо план удастся, либо городок будет стерт с лица земли даже тремя сотнями хорошо экипированных степняков.

Выиграть у такого сильного противника можно, только сильно удивив его. Для этого нужны абсолютно нестандартные ходы, которых в этом мире не применял никто. По большому счету, моя задумка и состояла из целого вороха таких ходов.

Для мобильной группы ожидание было не таким тягостным, как для тех, кто остался на оборонительном валу, – ведь мы были заняты делом. Пока казаки укладывали своих скакунов в специальные окопчики, драгуны маскировали проходы в жидком кустарнике, который рос в не менее жидком подлеске. Крошечные листики, пару дней назад прорезавшиеся из почек, не могли нам ничем помочь.

Это только кажется, что в густом лесу спрятаться намного легче, чем в прозрачных на вид зарослях. С одной стороны, укромных мест больше, но и тот, кто ищет, всматривается намного внимательнее. Закончив с проходами, бывшие лесовики помогли замаскировать лежки коней. В отряд

отбирались только лошади, с младенчества выпестованные опытными казаками, еще когда они были воинами-пастухами. Черныша в буквальном смысле ставил на ноги и воспитывал сам Курат, так что достаточно было легкого поглаживания по шее и правильных слов, чтобы обычно капризный скакун вел себя тише воды. Меня с Чернышом накрыли маскировочной сеткой – кстати, моим нововведением в этом мире, – состоящей из обычной сетки с пучками травы и сухих листьев.

Последние дни выдались суетными, поэтому двадцать минут лежания под теплым боком мерно дышащего коня убавлялись, и я самым безобразным образом уснул.

Разбудило меня дрожание земли и приближающийся гул. И сколько же их приперлось?

Гул нарастал, и Черныш начал волноваться.

– Чах, Черныш, чах, мой хороший, – шептал я на ухо коню, поглаживая бархатистую шею. Непонятное мне слово возымело волшебное действие – Черныш перестал дергаться и всхрапывать. О его волнении говорили лишь подергивание кожи и тяжелое дыхание.

Гул начал стихать, а еще через пару минут раздался такой треск, словно слон ворвался в бамбуковые заросли. Проклятое любопытство вцепилось в меня острыми когтями и заставило чуть приподнять голову, нарушая все приказы маленького лесовика – одного из десятников Морофа. Сам сотник сейчас находился в крепости и управлял обороной.

Если мне было не очень удобно в яме под маскировочной накидкой, то десяток хтаров явно изнывал от страха под сенью леска. Клаустрофобия выросших на открытых просторах степняков читалась в каждом их движении. Хтары вздрагивали от любого шума, который сами же и создавали.

Это была первая слабость врага, на которой я решил сыграть, и хтары мне подыграли. В редком лесу все просматривается довольно далеко, поэтому в головах у разведчиков наверняка крутилась одна и та же мысль: «Чего там смотреть – хан приказал проверить лес, вот мы и проверили, так что пора обратно, под родное небо, к не менее родному ветру».

Хтары ушли, но я все же продолжал лежать – на то был строгий приказ лесного мастера. Только минут через пять, когда где-то вне леска завопил многоголосый хор степняков, послышался тихий голос щуплого лесовика:

– Все, можно вставать.

Черныша я поднимал осторожно, чтобы не наделать лишнего шума, притом постоянно повторяя заветное слово:

– Чах, Черныш, чах.

Маскировочные сетки отброшены, щуплый лесовик с двумя помощниками скользнул в сторону города, а часть драгун начала натягивать одни веревки и отпускать другие. Как эти заросли готовили для будущего боя, я видел своими глазами, но хоть убейте, не понимаю, какая веревочка за что отвечает. Еще в лесу на севере империи я восхитился умением лесовиков превращать лес в настоящую крепость. Они даже жи-

ли в таких условиях, что можно было пройти мимо их жилья и ничего не заметить. Притом маскировка никак не влияла на комфорт проживания.

Разведчиков не было минут десять – они появились едва ли не одновременно с очередным взрывом воплей хтаров.

– Господин, – обратился ко мне десятник, в самодельном маскхалате поразительно похожий на сказочного лешего. – Они начали атаку. Все так, как вы и говорили. В охране холма со стороны города полусотня, а со стороны леса десяток. Дозорных в лесу мы упокоили.

Для убедительности лесовик поднял окровавленный нож и только после этого вытер клинок о траву.

– Хорошо, начинаем, – скомандовал я, старясь побороть мандраж. Руки дрожали, как у последнего алкаша.

Восемь казаков быстро вскочили на коней и пустили их шагом вслед за мной. Опушка показалась даже быстрее, чем мне этого хотелось. Кони легко шли по оставленным для них проходам, а следом топали три десятка драгун.

На опушке я мельком увидел четыре тела степняков, но рассматривать их было некогда. Все мое внимание привлекала небольшая группка всадников на расстоянии ста метров от нас.

Это была вторая слабость, причем не только степных, но и любых других властителей, которой я собирался воспользоваться: тщеславие.

Откуда великий, или, как здесь говорили, большой, хан

должен наблюдать за боем? Правильно, с самого высокого холма. И такой холм имелся в четырехстах метрах от городка и в ста метрах от леса.

– Пошли, – почему-то шепотом приказал я, толкая Черныша пятками сапог.

Девять лошадей резво набирали разгон, да и расстояние было плевое – стометровка. И все же я успел посмотреть в сторону города. Действительно, разница между этими степняками и нашими первыми «гостями» была разительной. Они неспешно шли к валу, грамотно прикрываясь качественными щитами, в некоторых местах даже образуя какое-то подобие «черехаи». Что ж, это значит, что я сделал правильный выбор.

Взгляд вновь перешел на цель нашей скачки – группу из десяти всадников, которые по-прежнему не могли оторвать взгляда от штурма, так же как и их телохранители. Восемь из десяти батыров одеты в «чешую», причем доспех одного хтара был черного цвета.

Нас заметили, когда до группы хтарских командиров оставалось двадцать метров.

Телохранителей мы просто объехали, по инерции взлетая на вершину холма.

Теперь пришло время для еще одного сюрприза. Все степняки очень хорошо владели неким подобием лассо и знали, как от него уклоняться, а вот монгольскую «ургу» они видели впервые. Шест с малозаметной петлей на конце воспри-

нимался степняками как рыцарское копьё, поэтому они и постарались уклониться от него вправо – срабатывал условный рефлекс. Благодаря такой реакции хтары сами засовывали голову в петлю. Своего клиента я, как и планировал, захватил петлей за шею и руку, что увеличивало шансы на выживаемость «буксируемого объекта».

После резкого рывка, уводящего копьё в сторону, я отпустил привязанное к седлу ещё одной веревкой древко и по плавной дуге вывел траекторию своего скакуна на разворот в сторону леса. Бежать Чернышу стало тяжелее – ведь сзади волочится довольно увесистый батыр в серой «чешуе». На «черного» я даже не зарился, – по плану он достался более опытному Курату.

Если Чернышу и было тяжело, то на его скорости это особо не сказалось, и через десяток ударов сердца мы влетели в проходы, оставленные в густом кустарнике специально для нас. «Проклюнувшиеся» на опушке драгуны, как в тире, пошибали с коней десяток телохранителей и убили скакунов под двумя оставшимися на свободе «чешуйчатými».

Лес в буквальном смысле сомкнулся за нашими спинами. Мы проехали в самый центр рощи, где уже были оборудованы позиции для стрелков.

Пробираться по кустарникам или молодому лесу изначально нелегкая задача, а доработанные лесовиками заросли становились практически непроходимыми, при этом лучники оставили для себя сектора для стрельбы и сейчас отстре-

ливали ломанувшуюся в лес орду.

На небольшую полянку посреди леска мы влетели почти галопом, а заросли за нашей спиной, словно по волшебству, тут же сошлись. Казалось, что преграда совсем смешная, но это было не так. Любой, кто хоть раз видел упавшее дерево, знает, что пройти от корня к верхушкам через переплетенье тонких веток – это уже проблема, а в противоположную сторону движение практически невозможно. Об этом прекрасно знали наши предки, и «засеки» – поваленные кронами наружу деревья – вокруг славянских поселений были нешуточным препятствием.

Небольшие, со стволами тоньше человеческого бедра, деревья и густой подлесок, на пару с кустами, должны были задержать преследователей минут на десять. Чего нам должно было хватить.

После сумасшедшей езды мы наконец-то смогли оценить попавшуюся на аркан добычу. Драгуны уже вязали троих пленников. Двое «чешуйчатых» все же сумели обрезать аркан и получить свободу. Точнее, свободу получил один, потому что через минуту разведчики приволокли убежавшего степняка.

Впрочем, количество не имело значения – «черный» был здесь, а это главное.

Единственной рукотворной конструкцией на приютившей нас полянке была толстая жердь, закрепленная горизонтально на деревьях в двух метрах от земли. Учитывая рост степ-

няков – хватало с запасом. Вот на эту перекладину и были брошены канаты с петлями, а в петлях уже находились лишившиеся шлемов головы пленников. Повязанные по рукам и ногам хтары выглядели довольно жалко даже в великолепной броне. Без петли на шее остался только один – для лысого, как бильярдный шар, батыра «поездка» закончилась плохо, и он уже не дышал.

Говорить я не торопился, несмотря на то что время поджимало: по всему лесу стоял треск от ломившихся на помощь хану степняков, а драгуны стреляли со скоростью пулемета. И все же спешить в этом деле было себе дороже. Рядом со мной стоял Охто, а Курат и три его помощника уже натягивали канаты, заставляя пленников вставать на цыпочки. Я оглянулся назад и увидел, что степняки серьезно застряли в густом переплетении веток. Некоторые, даже получив по несколько стрел, так и не падали на землю. В памяти всплыла сцена, как молодой гвардейский центурион воспользовался похожим приемом, чтобы защитить меня и Лару. Только там была узкая винтовая лестница и куча легких стульев.

Что ж, думаю, пауза была достаточно долгой. Теперь пришла пора воспользоваться еще одной слабостью степняков – суеверием.

– Хан, выбор у тебя простой: или ты уводишь своих людей из моего баронства и клянешься покоем души, что ни один из твоих родичей никогда не ступит на эту землю, или я по-

вешу сначала твоих сыновей, а затем тебя.

Охто быстро начал переводить, но мне показалось, что хан все понял и без перевода. Он дернулся, словно его ударили, хотя наверняка догадывался, о чем пойдет речь. Как минимум об этом ему говорили странные манипуляции с веревками. Хан повернул голову в сторону сыновей и прикрыл глаза. Мышцы на его скулах вздулись, и послышался скрежет зубов. Хорошо, что оба ханских сына были живы. То, что это именно они, было видно по сложной прическе – трем аккуратно выбритым полосам, волосы между которыми были сплетены в косы. Выбора у хана не было – еще при первом походе в степь я удивлялся, почему это степняки не покидают стойбища по ночам. Оказывается, ночью по степи бродят духи трусов, предателей, клятвопреступников и... умерших от удушья. Вот такая вот интересная деталь.

Хан открыл глаза и заговорил – незнакомые мне слова он выталкивал сквозь зубы, словно тяжелый груз.

– Хозяин, хан не может дать такой клятвы. Предлагает повесить его, но отпустить сыновей, – тут же перевел Охто.

– Блин, он что, издевается? – психанул я, потому что вопли степняков и треск сучьев, казалось, звучали прямо за моей спиной. – Курат, вздерни сыновей.

– Нет! – завопил хан, который все же понимал имперский, но плохо, потому что отвечал по-своему.

– Он не может отказаться от мести, потому что дал клятву. Если нарушит, все равно не попадет к духам предков, –

продолжил перевод Охто.

– Твою мать! – Мысли в моей голове проворачивались с хрустом, но мозг все же сумел выдать нужный результат. – Ты клялся отомстить убийце твоего сына?

– Да, – на имперском ответил хан, по его глазам было видно, что он бы и сам хотел найти выход из этого тупика.

– В его смерти виновен я, поэтому можешь мстить лично мне сколько влезет, только не на этой земле. Согласен?

– Да, – обреченно выдохнул хан и тут же начал орать как резанный.

Я даже напрягся и хотел было дать ему в морду, но не стал этого делать, услышав, как начали стихать вопли степняков. После небольшой паузы лесок вновь наполнился треском, но теперь удаляющимся.

– Пусть клянется, – сказал я Охто и повернулся к своим бойцам.

Парочку драгун все же подранили. Впрочем, никто и не говорил о том, что хтары являются слабыми воинами, и очень хотелось надеяться, что после пленения командного состава степняки прекратили штурм города.

Минут пять хан что-то лопотал на хтарском, а затем слышался голос Охто:

– Хозяин, клятва верная. Хан требует, чтобы его отпустили.

– Требует, с петлей на шее? А он нахал, – повернулся я к хану с ехидной улыбкой. – Э, нет, брат. Это было условие

спасения ваших душ, а насчет выкупа за жизнь мы поторгуюемся – и начнем, пожалуй, с чешуйчатых доспехов. Всех, что есть в этом войске.

Хан хоть и не говорил на имперском, но понимал многое – его лицо тут же перекосило от злобы. А я в ответ лишь улыбнулся. Никогда не любил торговаться, так что спорить нам было не о чем.

Затем был осторожный путь к опушке леса под прикрытием пленников, и я с облегчением увидел, что на защитном валу по-прежнему наши, а степняки беспокойно ждут появления своих вождей вокруг того самого холма, который стал для них роковым.

Хан, предварительно освобожденный от груза брони, отправился к своим воинам, а мы с его сыновьями быстренько отступили под защиту оборонительного вала. Уже там выяснилось, что хтары все-таки прорвались за периметр, но были сметены с кромки вала дружным залпом драгун. Тех же, кто оказался внутри, встретили оставшиеся в поместье казаки и неожиданно злой волк. Схватка была короткой, кровавой, но, к счастью, победной для нас. Общие потери составили четверых убитыми и пятнадцать ранеными, но это было намного меньше, чем ожидалось. И все же облегченно вздохнуть было рановато: для подобных вздохов время пришло лишь тогда, когда последний хтар пересек брод, а заложники благополучно отправились следом за своим папашей.

Если честно, то в победу я поверил еще не скоро.

Глава 3

Ополченец

Разгар весны приходит в степь довольно своеобразно – тусклое море старой травы словно взрывается зеленью. Еще несколько дней назад в округе преобладали песочно-бурые цвета прошлогодней растительности с черными пятнами вспаханных полей, но одним прекрасным утром я обнаружил за окном бескрайнее море победившей прошлогоднюю траву молодой зелени.

Конечно, мне очень не хватало телевизора и компьютера, и все же мозг постепенно привыкал к другому типу загруженности – хозяйственные дела, общение с интересными людьми и постоянные тренировки. Хотя насчет постоянности занятий это я переборщил.

Что же касается красот, проблем вообще не было. Степь только кажется пустой, но даже если бы здесь полностью отсутствовали небольшие островки деревьев, все равно ее великолепие не перестало бы удивлять и восхищать.

Скачка на Черныше приносила море разных ощущений, взрывающих мозг впечатлениями. Сложный букет ароматов освежающего лица ветра и полностью заполняющий паузы между стаккато конского топота симфонический оркестр насекомых и птиц – все это бурлило между бесконечным, уди-

вительно глубоким небом и не менее бескрайней степью.

В таком состоянии усидеть на месте было невозможно, поэтому, наскоро приняв душ и обрызгав водой взвизгнувших девчонок, я оделся в свободные одежды и выскочил во двор. Из конюшни тут же послышалось ржание Черныша – ему тоже хотелось на волю.

Легко быть безрассудным, если за твоей спиной есть надежные люди: выводя коня, я увидел, как по двору забежали казаки дежурной смены. Через минуту Курат будет знать, что я собрался на прогулку, а через три минуты за мной хвостом увяжется пятерка казаков.

Городок был абсолютно безлюден – все занимались земледелием, так что строительные работы временно прекращены, и лишь у реки несколько мастеров контролировали работу пленных хтаров, которые вынимали из ям глину и формовали кирпичи. Через пару месяцев эти кирпичи пойдут на постройку города. За шестиугольником внешнего вала уже опробованной нами конструкции будут расположены сто пятьдесят дворов, точнее, квадратных подворий, состоящих из четырех зданий с внутренним двором. Каждая такая мини-усадебка станет не только обиталищем для большой семьи драгуна или казака, но и маленькой крепостью. Если враги сумеют взять основной вал, то им еще предстоит штурмовать эти мини-цитадели. И даже в случае успеха не факт, что враги смогут удержать захваченное, – ведь местным жителям известны каждая щель и самый маленький лаз в этих

зданиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.